

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Михаил НЕСТЕРОВ

СТАЛИНСКИЙ СОКОЛ

КОМДИВ

Военно-историческая фантастика

Михаил Нестеров

Сталинский сокол. Комдив

«Махров»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестеров М. П.

Сталинский сокол. Комдив / М. П. Нестеров — «Махров»,
2019 — (Военно-историческая фантастика)

ISBN 978-5-04-105113-6

Попавший на Великую Отечественную войну подполковник ВКС Российской Федерации Олег Северов отлично выполнил специальное задание в Египте. Его успехи замечены самим Верховным Главнокомандующим, который поручает летчику командование соединением, занимающимся фронтовыми испытаниями новейших видов авиационной техники и вооружения и тактики их применения. Жертвами советских летчиков становятся корабли немецкого и итальянского флотов, но враг еще силен. Дивизию Северова ждет участие в операции по уничтожению верхушки нацистской Германии, что должно приблизить долгожданную Победу в Великой Отечественной войне. Но хватит ли у наших летчиков смелости и умения провести сложнейшее бомбометание в глубоком тылу противника?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105113-6

© Нестеров М. П., 2019
© Махров, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Михаил Нестеров

Сталинский сокол. Комдив

© Нестеров М., 2019

© ООО «Издательство «Яуза», 2019

© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Аэродром был прежним, родным, а вот все остальное... Количество новостей, обрушившихся на Северова, а главное, их содержание, поражало всякое воображение.

Полк «сухариков» перебазировался на новое место, радара у них тоже больше не было. Все командование 7-го ГИАП убыло к новому месту службы, все четверо направлены на соответствующие должности в авиадивизии. Из летного состава имеются вернувшиеся из Египта пилоты, на базе которых и предстоит сформировать авиаполки, 7-й и 8-й ГИАП. На базе эскадрильи капитана Бондаренко формировался 9-й гвардейский штурмовой авиационный полк с ним во главе, а вот 10-й гвардейский пикирующий бомбардировочный полк, командиром которого назначен не знакомый пока Северову майор Аркадий Шелест, должен был летать на новейших «Ту-2», возвратившимся из Африки орлам-бомберам предстояло переучиваться на него со своих «сушек». И уж совсем экзотично выглядел 1-й винтолетный авиационный полк. Вообще-то его основу составляли автожиры, но командование посчитало, что слово «автожирный» слишком неблагозвучно.

Но есть и приятные новости. Технический персонал на месте, никого никуда не переместили, рота охраны и АСС тоже почти в прежнем составе. И звено связи на месте, вместе с пилотом сержантом Горностаевой! Оно по-прежнему приписано к полку, а рота охраны разворачивается в батальон, командует майор Аверин. Особистом дивизии назначен Миша Ногтев, старший лейтенант ГБ. Великолепно!

А вот дальше опять началось сплошное расстройство. Командиром 7-го ГИАП назначен новоиспеченный майор Музыка! Он в конце ноября 1942 года из 7-го ГИАП был направлен на фронт заместителем командира полка, получил орден Александра Невского и всерьез считал себя выдающимся военачальником. Эммануил Мирославович определенно был неглуп, так что должность, где много летать не надо, занял с удовольствием. Получая назначение в наркомате ВМФ, Олег слышал, что тот полк действовал успешно, но понес большие потери, поэтому командир был оставлен в прежней должности, а вот его зам, наоборот, «показал себя замечательно и заслужил награду и повышение». Один орден он уже получил и перед самым новым назначением был представлен к другому. К какому конкретно, собеседник не знал, а Северов выяснять не собирался. Сам себе Олег сказал, что предвзятого отношения к Музыке со своей стороны он не допустит, только нелегко это, ох как нелегко!

Ладно, хоть комиссар дивизии назначен, а начальника штаба пока нет и непонятно, когда будет.

Жилье за Северовым сохранилось, поэтому Олег бросил свои вещички в комнату и отправился в штаб. С собой у него было только самое необходимое, основная часть привезена Петровичем. В жарко натопленной комнате пили чай новый командир полка и не менее новый комиссар в морской форме, единственный имевший ее во всей дивизии. Появление Северова вызвало у Музыки состояние, будто в чай вместо сахара насыпали соль, но он дисциплинированно встал и отрапортовал, то же сделал комиссар. Олег представился в ответ, выслушал краткий доклад о состоянии дел, который ничего не прояснял, только вызывал еще больше вопросов. Выходя, подполковник услышал, как Музыка негромко сказал комиссару:

– Ох и намаемся мы с ним! Выслуживаться за наш счет будет!

«Ну и хрен с вами! – подумал Северов. – Дело делать надо, а не симпатии заводить!»

Вышел из штаба, а тут ребята налетели. Всю пыль, какая была и какой не было, хлопками выбили. Чуть новую бекешу не порвали, требуя показать награду. Орден вызвал у них легкое обалдение.

– Это что же, командир, тебя как генерала наградили?

– Ну, вроде того, – засмеялся Северов. – А вас чем наградили, я же не знаю толком ничего!

Оказалось, что вернувшиеся из Египта истребители теперь все Герои, Каха получил еще и младшего лейтенанта. Все, кто имел звание Героя, были награждены орденами Ленина или представлены ко второй Звезде. Не забыли и АСС: все летчики получили ордена Красной Звезды, стрелки – медали «За отвагу». Бойцы охраны поголовно получили медали «За отвагу» или «За боевые заслуги», командиры взводов – Красную Звезду, Аверин – Знамя. Все они участвовали в боевых действиях в пустыне, так что награды были заслуженными. Во взводе осназа все оставшиеся в живых также получили Красные Звезды, а командир Гладышев – старшего лейтенанта и звание Героя Советского Союза. Кроме своих основных обязанностей, он обеспечивал некоторые операции разведки и здорово отличился. Среди его достижений взятие в плен целого итальянского генерала, захват важных штабных документов и спасение английского курьера с суперважным и сверхсекретным пакетом. Все техники получили «За боевые заслуги», а Михалыч, Винтик и Шпунтик – ордена Отечественной войны 1-й степени, они несколько раз вылетали к совершившим вынужденную посадку самолетам и проводили их ремонт, чем обеспечивали возвращение на базу. Андрей и Паша стали старшими сержантами. Их особенно хвалил Берг, который и поддержал представления командования дивизии. Сам Яков Карлович получил Красное Знамя. Ордена Отечественной войны 2-й степени был удостоен и Петр Иванович Кузнецов, который был у Берга заместителем. Такую же награду получил старшина Тарасюк.

Договорившись немного посидеть вечером за рюмкой чая, Олег направился в комнатку, где обычно дежурили летчики АСС. Сейчас, когда аэродром считался тыловым объектом и на боевые задания никто не летал, их не было, но летчики связного звена должны быть именно там.

Так и оказалось. Настя сидела в унтах и расстегнутом зимнем меховом комбинезоне, читала книгу, названия Олег рассмотреть не успел, она положила ее на стол.

– Здравствуй, Настя!

– Здравствуйте, товарищ гвардии подполковник!

– А почему так официально? Мы здесь одни, в неслужебной обстановке.

– Не знаю, как вы, товарищ заместитель комдива, а я на службе!

– Так я мешаю? – разозлился Северов.

В это время в комнату зашла еще одна летчица звена, сержант Худышкина. Словно в насмешку над фамилией, девушка была немного выше среднего роста, но крупной, щекастой, грудастой, попастой, с непроходящим румянцем во все щеки, как говорится, «кровь с молоком». Подполковник повернулся и вышел.

– Чего он хотел-то? – спросила Худышкина у Насти, в ответ та пожала плечами. Худышкина пришла в часть недавно, мало кого знала. Все вернувшиеся из командировки были ей пока совершенно неизвестны.

Олег шел и злился на себя. Мозги, что ли, в пустыне высушил? Не виделись четыре с лишним месяца, и вот такая встреча. Стоп! Это его, Северова, не было, а Музыка-то в соседнем полку был! Вот идиот, надо у кого-нибудь, кто здесь оставался, спросить. Может, они уже вместе давно, а тут «возвращение блудного попугая». Тогда понятно, почему она его так встретила.

Совершив обход аэродрома, заглянув в пустые капониры, отметив засыпанные снегом дорожки, заметенные позиции пустых постов охраны (только на КПП имелся дежурный), злой как черт Северов вернулся в штаб. Из командиров полков пока был один Музыка, но с ним и комиссаром встречаться еще раз желания не имелось, поэтому вызвал к себе командиров БАО и батальона охраны, нескольким скучающим штабным поставил задачу разобраться с приходом-расходом людей и техники и в кратчайшие сроки подготовить ему весь расклад.

Орать и накачивать никого не стал. Пришли Булочкин и Аверин, с ними пришел и Кузнецов, они прекрасно понимали, зачем их вызвали.

– Мужики, от гвардейской дивизии имеем одно название!

– Да понятно все, Олег! Мы уж сами тут все посмотрели и поразились. За нашу часть службы не беспокойся. Костяк подразделения охраны у нас прежний, так что весь периметр восстановим. Технический состав Петр Иванович тряхнет. Я их на трудовые подвиги уже завтра подниму. А так, сам видишь, самолетов нет, совсем, новых летчиков в нашем полку почти нет, и когда будут прибывать, непонятно. Прибыли три человека неделю назад: сидят, чай пьют целыми днями. А может, и не только чай, больно уж морды опухшие. На Мануила надежды никакой, сам берись, а мы поможем. По другим полкам картина с личным составом похожая.

Разошлись по работам, а перед сном Олег зашел в дом, где квартировали Булочкин с Василисой и Аверин. Все трое пили чай перед сном. От друзей Олег личных секретов не держал, поэтому он прямо спросил Василису о Насте и ее отношениях с Музыкой. Та вздохнула и сказала, что, пока их не было, здесь много чего поменялось. Тут Василиса замаялась и сказала, что Настя вместе с новым командиром полка не живет, осталась с другими летчицами. С Василисой отношения перестали быть доверительными, так что ничего она толком сказать не может. Наверное, девушка хотела Северова обнадежить, но получилось наоборот. Подполковник хмуро пожелал всем спокойной ночи и ушел к себе.

Наутро Олег вызвал Музыку и принялся спрашивать обо всем, что хотел знать, но тот предъявил приказ о вызове его в Москву. Сел в связной самолет (пилот сержант Горностаева, между прочим) и отбыл восвояси. Комиссар дивизии, старший батальонный комиссар Ташнов, человеком оказался непростым. Уже хорошо за сорок, из партхозактива районного уровня, откуда-то с Поволжья, на военной службе оказался в середине прошлого года. Неглупый и неплохо подкованный идеологически (любил по поводу и без цитировать классиков), но на редкость нудный, поборник чистоты и порядка в размерах, явно превышающих разумные пределы. К тому же сторонник широкого использования наказаний. Работу организовать может и делает это, но любит перекладывать свои обязанности на других (делегирует полномочия!), а сам четко отслеживает процесс. К тому же хоть и знаток первоисточников, но воспитывает по шаблону, без души и огонька. Действует неспешно, но методично, в помещениях штаба быстро навел идеальный порядок, до остальной территории руки у него не дошли, но дойдут – можно не сомневаться. В общем, любую проверку по своей линии пройдет, но в предстоящих делах не помощник: чтобы понять все это, Северову понадобилось несколько дней. Однако мешать он тоже не будет, бригадный особист Миша Ногтев прямо сказал, что Ташнов справки о личности заместителя командира уже навел и вести себя будет подчеркнуто прилежно.

Весь следующий день Северов пытался разобраться в бумагах, но так ничего и не понял. Не было ясно даже, с кем решать вопросы в главке. Непосредственное подчинение наркомату ВМФ и все. Когда будет приходиться техника, когда начнется пополнение личным составом? В штабе ВВС фронта спрашивать бесполезно, из их подчинения вывели. Что за хрень? Стал долбить ставший родным наркомат, никто ничего пояснить не может. Кончилось тем, что обозленный Северов связался напрямую с секретариатом и записался на прием к командующему авиацией ВМФ. К его удивлению, тянуть резину никто не стал, и Северову назначили на завтра, 10 марта, на 13 часов. Отлично!

«Хадсон» доставил Олега в Москву, за полчаса до назначенного времени Северов зашел в приемную, показал документы и стал ждать вызова. За несколько минут до назначенного времени из кабинета вышел дивизионный комиссар в морской форме, довольно пожилой, с папочкой, и, что-то бормоча под нос, удалился. Северова пригласили в кабинет.

– Товарищ генерал-лейтенант! Заместитель командира 1-й гвардейской смешанной авиационной дивизии гвардии подполковник Северов.

– Проходи, Олег Андреевич. Садись. Рассказывай, зачем прилетел.

Олег вкратце изложил ситуацию, сказал, что нигде не мог добиться никакой информации, поэтому вышел прямо на командующего.

– Наверняка установлен какой-то срок обеспечения полной боеготовности, а у нас ничего нет – ни людей, ни техники! И когда будет, неясно.

– А чего командиры полков без тебя не чешутся?

– Я только позавчера прибыл из командировки, командир полка только один, сам ничего не знает, вчера улетел по делам.

Жаворонков крикнул:

– Большое переформирование идет, много частей вновь формируется, другие перевооружаются, сам только на днях в Москву вернулся.

Генерал позвонил по телефону и дал задание немедленно принести все материалы по 1-й ГСАД, потом велел принести чаю.

– Пообедать не удастся, так давай почаевничаем, расскажешь, как там было, в прошлый раз толком поговорить не успели.

Сам ход боевых действий в Африке Семену Федоровичу был неплохо известен, так что его интересовало впечатление непосредственного участника событий. Северов обстоятельно ответил на все вопросы командующего флотской авиацией, Жаворонков остался доволен.

– Я в своих отчетах писал о низковысотном, «прыгающем» или топмачтовом бомбометании.

– Да-да, – оживился генерал, – помню, как же. Интересная штука! Вовсю опыты идут, скоро начнем летчиков строевых частей обучать. Задача ударов по морским коммуникациям противника на Балтике и Черном море не за горами, а на севере это давно актуально. Сейчас целый ряд новых систем морского оружия испытывается, узнаешь со временем.

О чем идет речь, Северов вообще-то догадывался. Не все и не подробно, но о том, что работы над головками самонаведения планирующих бомб и торпед активно ведутся, знал, сам же на некоторые мысли наводил. В частности, чтобы над телеуправлением не заморачивались, а занимались именно самонаведением. Но вот каковы успехи, пока неизвестно. Впрочем, пока работать предстояло над сушей, да и минно-торпедного полка в дивизии нет.

Тем временем зазвонил телефон, Жаворонков послушал, поднял брови, сказал «вот как!», снова слушал, потом положил трубку, сказав «бардак!!».

– Бардак, говорю, подполковник! Ну, я этим штабным фитиля-то вставлю! Хорошо, что приехал, а то бы до морковкина заговенья и людей, и технику ждали. Сейчас тебя проводят к моему помощнику, с ним обговоришь все вопросы, а уж я проконтролирую! До свидания!

Старший лейтенант в широченных черных брюках проводил Северова в кабинет, где сидел лысый бровастый полковник, тоже, естественно, в морской форме с крылышками на рукаве. Он оказался толковым и понимающим человеком, Северов решил с ним все вопросы по технике и личному составу. Полковник очень обрадовался, что не надо задействовать инструкторов для переучивания на «По-3», Северов планировал обойтись летчиками третьей эскадрильи, которые прекрасно его освоили. Удалось также добиться согласия на то, чтобы присылали летчиков уже обстрелянных. Гвардейские полки не запасные, учить людей долго и с удовольствием времени нет, да и положение обязывает. Предварительно с 10 апреля дивизия должна быть полностью боеготова. Насчет РЛС он ничего обещать не стал, дело это было непростое. Теперь по всем вопросам надо обращаться к нему, полковнику Сажину, а уж он дальше разберется, кому что переадресовать. Обещал также докладывать командующему, впрочем, Сажин был уверен, что Жаворонков сам будет интересоваться делами в его соединении.

В неплохом настроении Северов улетел к себе.

Летчики стали прибывать уже на следующий день, Музыка пока не объявился, он был в командировке на семь суток. Поскольку в полках по три эскадрильи, на должности комэсков и командиров звеньев Олег назначил летчиков из «африканцев». На 7-й ГИАП заместителем

Ларионов, начальником штаба Бабочкин. Петра Бринько Олег уговорил стать заместителем командира 8-го ГИАП, но от более высокой должности он отказался категорически, вообще хотел комэском остаться. На полк назначили майора Авдеева Михаила Васильевича, черноморца, Героя Советского Союза, улыбочивого двадцатидевятилетнего мужика с открытым, добродушным лицом и стальным характером. То, что Бринько будет больше летать, чем корпеть над бумагами, обговорили особо: статус лучшего аса стран антигитлеровской коалиции надо поддерживать.

Эскадрильи состояли не из двух звеньев и пары управления, а из четырех, т. е. с учетом пары управления в каждой эскадрилье было восемнадцать самолетов. В полках, с учетом звеньев управления, должно быть по пятьдесят восемь истребителей. Как говорил тезка вкусного торта, некто Наполеон Бонапарт, Бог на стороне больших батальонов.

Штат был укомплектован полностью уже 14 марта, и, хотя Северов в отборе не участвовал, пополнение оказалось неплохим. Командование полков распределило людей по эскадрильям и звеньям, Олег утвердил план учебы. Самолетов пока не было, поэтому налегали на физподготовку и теорию, тренировались пешим по-летному. Рядом с домами личного состава, а жили поэскадрильно, вырос целый спортгородок. Командиры подразделений и сам Северов участвовали в занятиях, поддерживали свою форму. Петрович быстро навел порядок в хозяйстве, повара летали как электровеники (здесь, правда, такого еще не знают), старшина Тарасюк снова был всемогущ. Ташнов тоже трудился не покладая рук, приходилось его даже с некоторыми начинаниями по чистоте притормаживать. Уже через неделю дивизию и аэродром было не узнать. Но были и такие, кто заниматься не хотел, дескать, и так навалюем фашистам поганым. Не хуже некоторых и вообще с крыльями родились. И где вы все были, когда мы кровь проливали, в самолетах горели, на парашютах летали? Сам Северов награды надевал только при необходимости, даже дубликаты Звезд Героя не носил. Эту же манеру переняли и все остальные, так что новички с наградами (и на груди его могучей в пятьсот четырнадцать рядов одна медаль блестела кучей, и та за выслугу годов) с удовольствием гнули пальцы перед летчиками, чьи гимнастерки не несли ничего, кроме гвардейского значка. Задействовать комиссара Олег не стал, просто собрал личный состав, сказав своим, чтобы надели гимнастерки с наградами. Формальным поводом стало объявление приказа о награждении 7-го ГИАП орденом Александра Невского. Верховный решил отметить не только летчиков, но и всю часть в целом. Новички с круглыми от удивления глазами разглядывали иконостасы на груди своих командиров, военно-воздушные понты сразу закончились, но трех человек, которые Олегу особенно не понравились своим поведением и продолжали бухтеть, он отправил в кадры наркомата, а на их место запросил новых. Трое новичков появились через два дня, среди них Олег с удивлением увидел Женю Цыплакова. Из разговора Северов узнал, что Женя был ранен, при выписке из госпиталя случайно узнал о наборе в дивизию, сам явился в кадры и добился перевода. Как удалось сухопутному летчику пробиться в морскую часть, объяснять не стал, сказал просто, что очень хотел. Олег сделал его своим ведомым, так как Владлен согласился принять звено в родной третьей эскадрилье.

Неожиданно появился Музыка – узнал откуда-то, стервец, что будет награждение полка. Прибыл за день до торжественного мероприятия, когда все уже было готово. Вручать орден прилетел тот самый пожилой дивизионный комиссар, которого Северов видел выходящим из кабинета Жаворонкова, гостями были Остряков и Лестев, остальные генералы из командования Брянским фронтом передавали поздравления. Летный состав был построен на укатанном снегу аэродрома, все действия были отрепетированы заранее. После короткой речи дивизионного комиссара и довольно длинной речи Музыки с бесконечными лозунгами и заверениями в преданности делу Ленина-Сталина, продолженной в том же стиле комиссаром Ташновым, к Боевому Знамени полка прикрепили орден. Приятной неожиданностью стало награждение семи летчиков второй Золотой Звездой, счет каждого из них превысил сорок сбитых. Затем

состоялось торжественное прохождение, впереди полковой коробки 7-го ГИАП шел дважды Герой Советского Союза гвардии капитан Брянцев, Знамя полка нес Аверин, Денис имел прекрасную строевую выучку, ассистентами шли два лейтенанта, командиры звеньев и новеньких. Дивизионному комиссару все очень понравилось, полк и дивизию он похвалил. Музыка цвел майским цветом, на обеде после церемонии снова говорил речи, приезжий комиссар удивленно поднимал брови, но ничего не сказал. Вечером он улетел обратно в Москву, а утром 19 марта Северову принесли вызов, согласно которому Мимосралович и улетел, разумеется, по очередному важному делу и снова на неделю.

Уже с 16 марта стали прибывать новые самолеты, их перегоняли четыре дня, все это время техники почти без отдыха ползали вокруг них, проверяя все и устраняя найденные недостатки. Самолеты оказались усовершенствованными, мощность двигателя достигла 2000 л. с., что несколько увеличило и без того высокую скорость, наддув позволил поднять потолок и значительно улучшил характеристики на больших высотах. Полеты начались 20 марта, бензина выделили достаточно, сколько Олег и просил, а просил он много. Кроме того, сразу была поставлена задача подготовить перемоторивание всех самолетов и замену расходников после выработки ресурса. Сажин обещал напрячь кого надо, подтвердил готовность к 10 апреля. Он также сообщил, что штурмовики и бомбардировщики всю тренируются в Кубинке – заканчивают освоение новой техники – и вскоре придут в родную дивизию.

По вечерам, попивая чай в компании командования полков, комэсков, Булочкина и Аверина (иногда заходил и Кузнецов), Северов обсуждал с ними боевые действия в Египте. Что происходило здесь, в СССР, все и так воспринимали очень живо, но тех, кто вернулся из Африки, этот вопрос тоже занимал. Как Олег и предполагал, после громкого успеха участие частей РККА в боевых действиях стало не очень желательным. Британцы сначала хотели использовать советские части как таран, сохраняя при этом свои, но такой расклад генерала Алферьева не устраивал, о чем он прямо заявил Монтгомери. Подкрепления из Европы позволили фон Арниму остановить продвижение союзников в Ливии, хотя о былых наступательных действиях речи уже быть не могло. В Африке вновь установилось шаткое равновесие, хотя было понятно, что англичане соберутся с силами и немцев с итальянцами все-таки домолотят.

Гвардии кот, не обнаружив верного Санчо Пансы в лице, вернее морде, Васисуалия Михайловича, который убыл на новое место службы вместе с Трегубовым, целиком посвятил себя воспитанию Рекса. Собачонок был очень заводным и упорным, но Валера был терпелив, оставляя их вдвоем, можно было не беспокоиться, что щенок куда-нибудь провалится, где-нибудь застрянет, убежит и потеряется. Спали они вместе, в обнимку, ели тоже вместе, отсутствием аппетита никто из них не страдал, Валера регулярно Рекса вылизывал и вообще приводил в порядок. Дел было выше крыши, но вечером, приходя в свою комнатку, Олег брал на руки щенка, кот забирался сам, и они вдвоем старательно выказывали свою любовь к обожаемому хозяину, щедро даря ему уют и помогая отрешиться от груза проблем, забот и мыслей.

Северов несколько раз пытался поговорить с Настей, но она от разговора умело уклонялась, а ходить за ней хвостом у него ни времени, ни желания не было. Девушка отводила глаза, иногда недовольно пыхтела и краснела, но ничего толком не объясняла. Часто она злилась, но солдатом была дисциплинированным, о субординации не забывала, так что откровенного хамства себе не позволяла. Летчика эта ситуация откровенно бесила, но время на рефлексии не оставалось, так что все шло своим чередом.

Музыка в полку бывал редко и надолго не задерживался, но в каждый его приезд происходил разнос Ларионова за непонятные недостатки. Все это тщательно записывал в свою тетрадку Ташнов. Потом командир полка снова убывал по очередному делу, а дел этих было просто невпроворот. Какие-то конференции, сборы и слеты, решение неведомых остальным вопросов. Ну как же, важно говорил Мимосралович, лучший истребительный полк всех времен и народов, надо щедро делиться опытом. Каким он там опытом делился, Музыка тактично

не пояснял. На слова Северова, что полк давно уже не лучший и вообще не тот, каким был раньше, майор разводил руками и ссылаясь на очередную бумагу, призывающую его на важное мероприятие. Станным поведением Музыки Олег поделился с Сажиным, заметив, что такой фрукт ему в делах не помощник. На это полковник, вздохнув, ответил, что у Эммануила целых два дяди в больших чинах – один в инспекции, второй по снабженческой линии, вот они и «светят» его перед начальством, готовят перевод в главк. Сажин рекомендовал не обращать внимания, скоро тот сам уйдет, а волну гнать сейчас не стоит. Тем не менее Северов подал в наркомат рапорт, в котором подробно расписал отсутствие командира 7-го ГИАП в такое страдное время, да еще надавил на Ташнова, чтобы тот тоже его подписал. Было видно, что комиссару очень не хочется этого делать, но так откровенно прикрывать Эммануила ему резона не было. Олег подозревал, что майор наобещал тому средних размеров золотые горы и перевод в Москву, но их рефлексии ему были неинтересны.

Возила Музыку почти всегда Горностаева и почти всегда возвращалась не сразу, а через несколько дней. Сам себе Северов честно признался, что любимую девушку он прокакал. И кому!! Вот и пойми этих женщин! Одной из самых любимых книг Северова в прошлой жизни была трилогия Симонова «Живые и мертвые», «Солдатами не рождаются» и «Последнее лето». Там один из героев говорит о том, что его жена ушла к другому, а он отпустил, потому что обещать не мог, что останется в живых. Олег неожиданно вспомнил об этом, и ему пришла в голову простая мысль, что Настя подумала точно так же. Музыка в бой не пойдет ни за какие коврижки, вот и вся причина. Мужик видный, при орденах, начальственный, расти и дальше будет. И в живых останется. Северов вспомнил Вику и совсем загрустил. Вот тебе и полна грудь орденов! Ордена есть, а надежды на личное счастье пока не видно. В меланхолическом настроении Северов заснул.

С Сажиним Олег связывался регулярно, поэтому знал, что Гризодубова прибудет только в конце месяца. В наркомате понимали, что это значительно усложняет работу, поэтому в штат была введена еще одна должность заместителя командира, а Северов стал первым заместителем. Полковник сказал, что кандидатурой нового зама Олег останется доволен, и больше никаких секретов не раскрыл.

25 марта на аэродроме приземлился «ПС-84», из которого бодренько выпрыгнул подполковник Синицкий, за ним неуклюже выбрался человек в черной флотской шинели и, прихрамывая, направился к штабу. Высокий худощавый краснофлотец нес вещи – чемодан и пару вещмешков. У самого Северова, кстати, остались «африканцы» – ординарец Тимофей Кутькин и водитель Арсений Самарин. Оба попросили взять их с собой, в кадрах не отказали. Авто-техники, правда, в полку было немного: старые полуторки и несколько «захаров», но Сажин обещал решить проблему в скором будущем, а пока все оставалось по-прежнему.

Прибывший назвался майором Вологдиным Александром Алексеевичем. Был он морским летчиком, летал на «И-16» на Ленфронте. После ранения с летной работы списан, на должность начальника штаба дивизии согласился, так как перед войной окончил Академию. Все лучше, чем в тыл. Орден Красного Знамени и восемь сбитых, и призрачная надежда вернуться в строй. Среднего роста, тридцать три года, вьющиеся черные волосы коротко подстрижены, небольшие аккуратные усы, как у Северова, резкие черты лица, острый взгляд карих глаз. Олег ввел его в курс дела, тот сразу впрягся в штабную документацию. Стал приходиться на вечерние посиделки с чаем. В дивизии ему очень понравилось: и порядок, и организация учебы, и авиационная спасательная служба, даже серьезное отношение к охране объекта. АСС внедрялась в авиачасти, но дело шло довольно медленно, не все авиационные командиры видели в этом большой смысл. Есть «У-2»: если надо, за сбитым летчиком слетает, чего огород городить, есть заботы гораздо важнее. Да и осназ откуда взять, кто их тренировать будет? С интересом Вологдин ознакомился с методичкой по выживанию на вражеской территории,

посетил занятия. Как-то признался Олегу, что столько нового и интересного никак не ожидал увидеть.

Синицкий, недавно произведенный в подполковники, был назначен заместителем командира дивизии. Гоша признался, что о назначении попросил сам: служба под началом женщины и бывшего подчиненного его нисколько не смущала.

– С тобой интересно, – заявил он, провожая взглядом сержанта Малинину, летчицу звена связи. – Э... Да... Говорю, техника новая, коллектив хороший... В общем, не подведу!

Вот в этом Северов не сомневался, Синицкий был и истребитель из лучших, и организатор хороший, и командир образованный. Так что Олег остался доволен, теперь дело пойдет!

Учеба продолжалась в прежнем режиме, летали много и не без успеха. После каждого учебного боя подробно разбирали ошибки и возможные варианты действий. Тактическая подготовка летчиков росла на глазах – все-таки все они успели повоевать. Даже у самых «малоопытных» было больше двух десятков боевых вылетов. Им посчастливилось выжить в небе, некоторым даже сбить врага, и теперь выпала возможность вернуться на фронт на новой, гораздо более совершенной технике, наученными побеждать, а не просто выживать в бою.

Валентина Степановна прилетела 30 марта утром, встречали всем кагалом – заместители командира, комиссар, начальник штаба, командиры полков, Булочкин, Аверин и Ногтев. Когда Северов представился, Гризодубова хмыкнула, но ничего не сказала, просто пожала руку, как и всем остальным. Прошли в столовую, там уже ждал завтрак. Командир дивизии решила, по-видимому, что ей устраивают показуху, пытаются произвести впечатление, но опять ничего не сказала, только снова хмыкнула. После завтрака, прошедшего в неторопливой беседе о текущих делах, прошли в штаб, где она принялась изучать документы. Оценив объем проделанной работы, Валентина Степановна рассматривала своего первого заместителя уже с интересом: все оказалось гораздо лучше, чем она себе представляла.

День прошел спокойно, комдив наблюдала за работой, но вмешиваться не стала, а вечером неожиданно вызвала Олега к себе.

– Проходи, садись за стол. Чай будешь?

– Спасибо, не откажусь.

Василиса снабдила Северова баночкой земляничного варенья, пришлось кстати.

– Переживаете небось, что вами баба командует? – спросила Гризодубова, разливая чай.

– Нисколько, – пожал плечами Олег. – Сейчас повода нет, да и дальше, я надеюсь, не будет.

– Вон как? Ну, договаривай.

– Да я все уже сказал. Я здесь со всеми, кроме комиссара, давно знаком, воевали вместе. Доверяю им во всем, они мне. Мы не просто хорошая команда, второй такой нет!

– Да, пожалуй, такого количества Героев и дважды Героев в одном подразделении я еще не видела. Но дело не в этом. Вот ты мне скажи, у нас мужчины и женщины в правах равны?

Северов усмехнулся:

– Да зачем вам это? Феминизм в рамках отдельно взятой войны! Я бы женщин с фронта вообще убрал, да не в моей власти.

– Думаешь, хуже вас воюем?! Лучше! А никакого равноправия нет! Ты хоть одну женщину-генерала видел? Вот я и хочу пример показать, чтобы пошла история другим путем!

– Каким? Что за путь такой? Я и с мужиками ничем никогда не мерялся, а с вами тем более не буду. Я истребитель, мое дело врагов истреблять, а не хвост перед женщинами распускать. И вообще давайте чай пить, варенье очень вкусное, попробуйте.

Гризодубова улыбнулась и подцепила угощение ложечкой:

– А запах какой! Ягода с грядки с лесной не сравнится. Кстати, а почему вы тут награды не носите?

– Так все друг друга знаем, да и не видно под куртками да регланами.

– Ну да.

На следующий день Валентина Степановна с большим интересом изучала работу авиационной спасательной службы, наблюдала за занятиями, беседовала с летчиками и техниками. Ничего в существующей системе она менять не стала, просто включилась в работу.

В первые дни апреля устроили итоговый экзамен. Давали разные вводные, Северов на пару с Железновым изображали немецких охотников, звено «пешек» из расположенного неподалеку бомбардировочного полка «воевало» за немецких бомберов. Стреляли по конусу, проводили воздушные бои парами и звеньями. Особое внимание уделялось малым и сверхмалым высотам. Вместе с первыми боевыми машинами дивизия получила целых три спарки «УТИ-4» в очень хорошем состоянии, сущее золото по меркам 1943 года. Использовали их по полной для обучения слепым полетам. Погода не всегда благоприятствовала, Северов использовал такие дни для практической отработки действий в сложных метеоусловиях. Наиболее опытные пилоты тренировались в ночном самолетовождении. Так что к концу обучения все пилоты имели допуск к полетам в сложных метеоусловиях, почти половина – к ночным. Этим Северов законно гордился.

Прибыли и ударные подразделения. Командир 10-го ГПБАП майор Аркадий Германович Шелест оказался сослуживцем Василия Ивановича Ракова, начинал еще в Финскую, на этой войне с первого дня, потом ранение, учеба в Военно-морской академии, снова фронт. И остальные бомберы ему под стать, очень хорошо! Командиром винтолетного полка был капитан Виктор Злобин, его автожиры были сведены в две эскадрильи, транспортную и ударную, в каждой по девять машин. Транспортные могли перевозить отделение солдат, ударные несли бомбы, РСы, пулеметы и пушки и были неплохо бронированы.

За пару дней до дня «Ч» объявился Мимосралович, привез с собой целую пачку разных газет. Объединяло их одно: во всех были статьи о том, как гвардии майор Музыка выступает на различных совещаниях и щедро делится богатейшим опытом 7-го ГИАП. На фотографиях он выглядел великолепно, всегда старался повернуться той стороной, где сверкал орден Александра Невского. Сказанул, что это он поддерживал авторитет полка, заботился о том, чтобы ЕГО полк ни в чем не нуждался. Вечером того же дня прибыла целая колонна машин – «Доджи», «Студеры» и один «Виллис», который Музыка примеривался забрать себе, но пришлось отдать командиру дивизии. Оба дня Музыка ходил по аэродрому, присутствовал на полетах, разборах, но ни во что не вмешивался, молча слушал, иногда кивал с важным видом. Вечером 8 апреля неожиданно построил полк, дал положительную оценку уровню его подготовки, но пожурил за недостаточное рвение в освоении новой техники. В общем, дал понять, что все неплохо, но можно и даже нужно было лучше. Красивая позиция и очень удобная. Олега так и подмывало спросить, как товарищ комполка собирается управлять полком в бою, но при подчиненных сдержался. А Музыка уже распустил хвост перед Валентиной Степановной, но впечатление произвел не такое, как рассчитывал.

– Ну и фрукт! – поделилась за ужином комдив. – Как он в вашу компанию попал?

Утром 10 апреля прибыл «ПС-84» с целой делегацией из управления ВВС ВМФ. Дивизия была построена, Северов отдал рапорт, состоялось торжественное прохождение. Комиссия во главе с представительным генерал-майором, назвавшимся Бартновским Дмитрием Филипповичем, начальником штаба ВВС ВМФ, была приятно удивлена, Музыка в числе прочих комполков заслужил первую похвалу. Дальше все пошло как обычно. Проверили документы, планы занятий, посмотрели протоколы принятия внутренних зачетов. В комиссии было несколько командиров из летной инспекции ВВС ВМФ, они экзаменовали летчиков, делали это тщательно и со знанием дела.

В первый же день на ужине, на котором присутствовало, кроме проверяющих, командование дивизии и полков, Олег краем уха услышал, как Музыка жаловался Бартновскому, что руководство заслуженных людей прижимает, давит авторитетом власти, а не властью автори-

тета. Мол, сил на формирование полка положено много, но будет ли это оценено, он, Музыка, сомневается. Во фрукт!

Три дня дивизию трясли и проверяли, каждый вечер Бартновский подводил итоги. Результаты получались хорошие, генерал остался доволен. Дмитрий Филиппович был очень въедлив, в сути дела прекрасно разбирался, так что оценка вышла объективной. Очень ему понравилась организация службы технических и других вспомогательных подразделений, посмотрев на тренировку АСС, которую специально организовали для проверяющих, пришел в полный восторг. Все время хвалил командиров полков, не персонально, но Музыка ходил именинником. Наконец, по окончании контрольных мероприятий Бартновский дал самую высокую оценку дивизии, объявил благодарность командованию за прекрасную организацию службы и в превосходном настроении убыл в Москву. Вологдин сказал Северову, что такого спектакля он в жизни своей не видел, хотя до войны посещал театры в Москве и Ленинграде. Особенно его восхитило, как Музыка умудрился ловко поставить себя рядом с инспекторами. Представил все так, будто учил работать новичков, заместителя и начштаба, и вот оценивает результат. Да, он определенно не дурак, таких надо тихо убивать в раннем детстве!

Впрочем, небольшую компенсацию удалось получить от Гризодубовой. Она, не особенно стесняясь в выражениях, дала оценку работе командира 7-го ГИАП и предупредила, что любоваться на него не будет, спишет куда-нибудь к такой бабушке, пообещала лично контролировать его действия. Мимосралович посмурнел, но оптимизма не потерял, на что-то надеялся. На его счастье, Валентина Степановна вскоре улетела в Москву, так что второй акт Марлезонского балета оказался отложенным.

На следующий день пришел приказ на перебазирование в район Богучара. Стало ясно, что дивизии предстоит участие в боевых действиях по разгрому южной группировки Вермахта, рвавшейся в 1942 году к Сталинграду и на Кавказ. Места, Олегу известные по службе в 489-м полку. Тот стоял, конечно, километров на двести пятьдесят юго-восточнее, но это не столь принципиально. Северов обговорил все вопросы с Булочкиным, и колонна БАО и батальона охраны ушла в Мценск грузиться, большую часть пути они проделают по железной дороге. Мимосралович, получив очередной вызов, опять куда-то смылся, похоже, полетел пожинать лавры, и надолго пропал. На обустройство аэродрома предполагалось потратить около недели, штаб ВВС ВМФ обещал решить вопрос о помощи местных товарищей и выделить ненадолго какую-нибудь тыловую часть, помочь со строительной техникой. Северов продолжал заниматься с летчиками, хотя уже не так интенсивно. Наконец, 13 апреля Булочкин доложил о готовности принимать полки. До нового места базирования было немногим более пятисот километров, так что перелетели без промежуточных посадок. Каждую эскадрилью истребителей и штурмовиков лидировал «Ту-2», звено управления шло само. «Дугласы» привезли последних техников. Все, на аэродроме под Мценском не осталось ни одного человека из 1-й ГСАД. Звено связи на своих «У-2» добиралось самостоятельно с промежуточной посадкой.

Аэродром располагался недалеко от берега Дона, но красоты природы Олега пока не трогали, после посадки он разглядел на небольшом холмике РЛС! Подошедший Булочкин, поздравившись, перехватил взгляд Северова и подтвердил, что дивизии приданы радиолокационная рота и рота радиоразведки. Шикарно живем!

Северов направился в штаб 2-й воздушной армии, дивизия поступала в прямое подчинение ее командования как отдельное подразделение, необходимо было представиться и получить задачи.

Олег вылетел парой с Женей, на всякий случай надел гимнастерку с наградами. Командующий армией генерал-майор Степан Акимович Красовский принял Северова сразу. Вместе с ним в кабинете находились бригадный комиссар Сергей Николаевич Ромазанов и начальник штаба армии полковник Петр Игнатьевич Брайко, видимо, только закончили что-то обсуждать. Олег не настолько подробно помнил историю войны, чтобы знать боевой путь всех частей и

подразделений, но, насколько ему было известно, Юго-Западный фронт пережил два формирования. Так что и воздушные армии в его составе были разные. Но поскольку в этой истории прорыва к Сталинграду не случилось, то и переформирования фронта не было, отсюда и дальнейшие несовпадения с той историей. Вот только маршала Тимошенко Сталин все-таки с должности снял, сейчас фронтом командовал генерал армии Николай Федорович Ватутин. Никакого Воронежского фронта образовано, за ненадобностью, не было.

– Товарищ генерал-майор! Первый заместитель командира 1-й гвардейской смешанной авиадивизии ВВС ВМФ гвардии подполковник Северов. Представляюсь по прибытии в ваше распоряжение.

Все трое недоуменно уставились на Олега, наконец Красовский нарушил затянувшееся молчание:

– Кхм, подполковник, а что за смешанная дивизия? Их же расформировали все, разве нет?

Северов объяснил, что его полки оснащены новейшей техникой и сведены в одно соединение. После наведения генералом справок в штабе фронта стало понятно, что с соблюдением секретности немного переборщили и до него информацию просто не успели довести.

Посмотрев документы, Красовский стал расспрашивать про автожиры и «Хадсоны», Северов пояснил:

– Да, про АСС мы слышали, вот только в нашей воздушной армии ее работа толком не налажена, ни осназа, ни соответствующей техники нет.

– Так, еще вопрос: опыт работы с радиоуправляемым самолетом имеете или будете на ходу учиться? И вообще, с чего вдруг такую штуку дивизии придали?

– Опыт имеем, работаем давно, обученные штурманы наведения и планшетисты есть, техника работает нормально. Рота радиоразведки укомплектована по штату, переводчики опытные.

– Бойко отвечаешь! А что за должность такая, первый заместитель? И где командир?

Пришлось объяснить. Командование армии подивилось обилию Героев и дважды Героев и выразило надежду на грядущие успехи.

– Чудо-юдо ты какое-то, подполковник! Ладно, подходи ближе, сейчас тебя Петр Игнатьевич в курс дела введет.

Из штаба армии Северов вышел уже затемно, но ночевать не стал, полетел в дивизию. За себя он не беспокоился, а вот Женя допуска к полетам в ночное время еще не имел. Но Олег был рядом, их вел радар, так что дошли и сели нормально.

А утром 16 апреля состоялись первые вылеты на воздушную разведку. Вечером, когда Олег с Александром Алексеевичем уже завершили работу, дежурный привел с собой фельдшеря с пакетом. Отправителем числился ни много ни мало начальник Генштаба генерал Василевский. Олег проверил печати, расписался в получении. В пакете оказалось письмо с информацией о том, что летающий радар успешно завершил испытания, прибытие техники в его распоряжение ожидается 20 апреля! Предписывалось подготовить все для базирования самолета. По мнению Северова, такой самолет надо бы держать подальше от линии фронта, на уровне аэродромов бомбардировочной, а может быть, и дальней авиации, но с кем тут спорить-то? Проблемой было то, что зенитных средств аэродром не имел совсем, все старания на этот счет результатов пока не дали. Пришлось связываться с Сажиним, объяснять ситуацию. Штаб ВВС ВМФ отреагировал оперативно. Уже 19 апреля на аэродром прибыли две батареи 37 мм спарок по шесть установок каждая, три батареи 12,7 мм счетверенок такого же состава и батарея 85 мм орудий тоже на шесть стволов, серьезно! Всю оставшуюся часть дня и всю ночь возились с установкой зениток и устройством капониров. На дворе уже не зима, но еще не лето, песок в мешки брали на берегу Дона, потом возили на аэродром машинами и подводами, привлекая местных жителей. Работал также целый батальон расположенного по сосед-

ству стрелкового полка из армейского резерва. Полная луна позволяла работать без дополнительной подсветки. Успели.

Вечером 20 апреля появился монстр в сопровождении двух звеньев «Яков». Летающий радар зашел на посадку, а «Яки», покачав крыльями, ушли обратно. Снег давно растаял, но почва, естественно еще до конца не просохла, летали только благодаря металлическому настилу, который Булочкин не только сохранил, но и разжился еще – запас карман не тянет. Вот и пригодилось, запас у Петровича оказался тройной! С помощью трактора четырехмоторный самолет закатили в подготовленный для него капонир, Булочкин занялся размещением прибывших летчиков, а Олег переговорил с командиром экипажа.

Капитан Румянцев, как и весь его экипаж, ранее служил в АДД, самолет осваивал сразу после команды испытателей. Машина была подготовлена в КБ Андрея Николаевича Туполева и для серийного выпуска не предназначалась. Изучили некоторые иностранные разработки, английские и американские, добавили собственный опыт постройки тяжелых самолетов. В СССР стратегическими бомбардировщиками решено было не заниматься, в известной Олегу истории это привело к копированию «Б-29» под названием «Ту-4» и игре в догонялки после войны. В этот раз руководство страны решение изменило, прилетевший монстр под названием «Ту-4РЛ» (!) не был похож ни на один из известных Северову четырехмоторных гигантов, но был красив, как красивы все хорошо летающие самолеты. Антенна располагалась под фюзеляжем, поэтому огневых точек было только две – спаренные «Б-20» в корме под килем и вверху за кабиной пилотов. Но Румянцев сказал, что это «оружие последнего шанса». Вибрация при стрельбе неблагоприятно сказывалась на работе РЛС. Румянцев также поведал, что после отработки основных вопросов применения летающих радаров последует переход на новую элементную базу, гораздо менее чувствительную к вибрациям и более компактную. Дальность обнаружения самолетов составляла, в зависимости от погодных условий, до двухсот пятидесяти километров, при этом координаты цели можно было определять на расстоянии до ста восьмидесяти – двухсот, очень неплохо! С экипажем из семи человек и шестью операторами самолет мог находиться в воздухе до двенадцати часов и висеть на высоте до десяти тысяч метров, кабина наддувалась и отапливалась. Сейчас заканчивают приемо-сдаточные испытания еще две такие же машины, они образуют отдельную эскадрилью. То есть сменяя друг друга, эти самолеты смогут висеть в воздухе круглосуточно. А чтобы Северов не скучал, через полчаса после посадки «тушки» прилетел фельдъегерь, привез еще одно письмо от Василевского. В дивизии организовывался еще один полк, пока двухэскадрильного состава, на вооружении его будут ночные перехватчики «Пе-5МР». Все имеют РЛС «Гнейс-УМ» с дальностью обнаружения самолета около десяти километров и корабля – около тридцати километров. Ну да, дивизия-то морская, даром что стоит посреди суши! А еще на самолетах имеется тепловизионный прицел, правда, прицеливаться из него никуда нельзя, но когда РЛС выходит на минимальную дистанцию, показать направление на самолет противника он может. Кстати, и наземная РЛС, новейшая РУС-3, и самолетные имеют систему распознавания «свой-чужой», все самолеты полка оборудовали ответчиками. Значит, теперь предстояло помимо, так сказать, основной работы заняться еще и обработкой действий ночных истребителей. Занимайтесь, товарищ подполковник! А самолетов в дивизии скоро корпус потянет! Эх, где наша не пропадала...

«Пешки» пришли 23 апреля, только успели приготовить капониры, опять припахали всю округу, солдаты стрелкового полка армейского резерва летунов, наверное, уже в три этажа матерят. Тыл называется – хуже, чем на передовой, даже поспать толком не дают!

Командир полка майор Роцин представился Олегу сразу, как только вылез из самолета. Знал, к кому летит, потому что никого ни о чем не спросил, просто подошел и козырнул. Майор и его ребята оказались довольно молодые и уже тертые. Принимали участие в обороне Москвы, опыт использования РЛС и ночных полетов имеют очень приличный. Но Олег насчитал тридцать девять «пешек» на приземлении, откуда одна лишняя?

– А это ваша, командир! Ее перегоночный экипаж привел! – расплылся в улыбке Роцин. – Товарищ Жуков, когда новую технику смотрел, сказал, что вы в стороне от такого дела не останетесь, приказал приготовить еще один самолет. Угадал?

– Угадал!

Еще одна новость. Булочкин теперь не командир БАО, а начальник особой авиабазы, Аверин – командир батальона специального назначения при особой авиабазе. Штат расширили прилично, поступает новая техника. Наконец-то пришли БТРы. Обалдеть! Вот Музыка охренеет, когда появится.

Но охрещение Музыки, видимо, состоится не скоро. Пришла весть, что он задерживается в Москве. Поскорее бы уже должность освободил, раз не работает! Чтобы усугубить процесс, Северов написал еще один рапорт о его художествах и отправил в наркомат. А вот прибывший Красовский, посмотрев на все хозяйство, почесал затылок и сказал:

– Слушай, подполковник! Тут не пойми что творится! Мне из Ставки указание пришло. Вы теперь мне не подчиняетесь, только непосредственно Ставке. Я с вами свои действия просто согласовываю, то есть, попросту говоря, приказать уже не могу, могу только попросить. Во как!

– Степан Акимович, нам делить нечего. Дивизия все равно действует в интересах фронта, с кем же нам еще задачи согласовывать! Нужна постоянная надежная связь с вашим штабом, кроме того, вот новые заявки на топливо и боеприпасы, нас теперь еще больше, на трех площадках базируемся! А с остальным разберемся по ходу дела.

Красовский пробыл целый день, лазал по технике, разговаривал с летчиками и техническими специалистами: с Синицким, Вологдиным, Кузнецовым и Булочкиным. Вечером поужинал, похвалил организацию питания и собрался обратно. Прилетел он не на штабном «ПС-84», а на «Яке». Уже стоя у самолета, сказал:

– Мне у вас очень понравилось, порядок во всем. И новинка на новинке. Но чувствуется, ситуацией ты владеешь. И очень жаль, что дивизия не в моей армии, а то Булочкина я бы забрал. В общем, если что нужно будет, сразу обращайся. До свидания.

Залез в истребитель и улетел в другой полк, уже свой.

Немцы копили силы, ждали, когда просохнет земля, чтобы начать активные действия. Наши тоже копили силы, замысел был великий – отсечь всю южную группу немецких, итальянских и прочих войск, проделав грандиозную дыру размером почти с половину Украины. Так сказать, операция по мотивам Большого Сатурна. Задействовались войска Юго-Западного, Южного и Северо-Кавказского фронтов. Руководил маршал Жуков. Проводилась масштабная операция по дезинформации противника, что стратегическое наступление будет проводиться на центральном и северном участках фронта. Концентрацию войск в полосе Юго-Западного фронта удавалось пока скрывать. А выжидало наше командование благоприятного момента, который должен наступить, когда немецкое командование не просто возобновит наступление на Нижнюю Волгу и Кавказ, но и увязнет в заранее подготовленных полосах обороны.

28 апреля Олег впервые взлетел на «Пе-5МР». Это была новая цельнометаллическая машина, разработанная на базе «Пе-3», вернее, являвшаяся его глубокой переработкой с учетом выявленных недостатков и опыта эксплуатации. Аппарат понравился, хотя ощущения были непривычные, все-таки на подобных двухмоторных машинах Северов не летал. Истребитель показался тяжеловат в управлении, но это после «По-3», разумеется. Вооружение из НС-37 и двух ВЯ стояло под брюхом самолета и имело пламегасители, поэтому при стрельбе ночью слепить пилота сильно было не должно, хотя шторки, конечно, были. Боезапас был весьма значительный, полторы сотни снарядов у 37 мм пушки и по триста пятьдесят у ВЯ. Штурман-оператор имел турель с УБТ. Новые двигатели мощностью 1750 л. с. были не только мощные, но легкие и высотные, скорость самолета достигала 630 км/ч, потолок – 12 500 м, дальность полета – 2450 км, гораздо более совершенные навигационные приборы, двухместная гермокабина с наддувом и отоплением. Штурманом наведения стал лейтенант Александр

Ларин, ранее летавший на «Пе-2», он с энтузиазмом взялся за освоение нового оборудования, а опыт работы с «Пегматитом», полученный после временного запрета на полеты из-за ранения, позволил ему достаточно быстро разобраться и с «Гнейсом».

29 апреля новый подарок – добавилось транспортное звено, четыре новеньких «С-47». Как пояснила сопроводилка, чтобы не тратить время на поиск возможности доставить необходимые грузы. Действительно, практически постоянно приходилось что-то привозить, хозяйство было большое. Эти же самолеты привезли семнадцать новых мотоциклов, десять трофейных BMW R75 и семь Harley-Davidson WLA 42, на них стали ездить бойцы батальона охраны, «Харлеи» взяли себе Булочкин и Северов. Теперь по делам в хорошую погоду они предпочитали развезжать на мотоциклах.

Вместе с транспортниками прилетела Гризодубова, новые машины ей очень понравились. Валентина Степановна была выдающейся летчицей, поэтому очень быстро освоила «Хадсон» и теперь с удовольствием сделала несколько вылетов на нем за сбитыми пилотами. Командовать боевой работой ударных и истребительных подразделений она пока не пыталась, присматривалась, поэтому Северов распорядился сам, поясняя ей свои действия. По тому, как комдив ходила вокруг «Ту-2», Олег понял, что она собирается освоить и этот самолет, но здесь все было не так просто. Удары с пикирования требовали гораздо большего времени для обучения, чем бомбометание с горизонтального полета. Но если водить в бой ударные самолеты комдив еще может себе позволить, то вместо управления соединением заниматься эвакуацией – нет. Обо всем этом и выговорил Северов Валентине Степановне, когда представился случай: вечером и наедине. Та сначала вскинулась, даже рот открыла, потом подошла к окну и стала молча в него смотреть. Созерцание начальственной спины Олегу быстро наскучило.

– Обижаться не надо, ничего особенного я не сказал.

– Да прав ты, – глухо ответила женщина. – Только на КП сидеть, глазами хлопать, тоже не хочется.

Возразить на это было нечего, и Северов сменил тему: его интересовали поставки запчастей, имеющиеся запасы которых подходили к критической отметке. Гризодубова пообещала вопрос решить.

Освоившись днем с новым тяжелым истребителем, в ночь с 9 на 10 мая Олег и Саша взлетели в свой первый ночной поиск. Активность немецкой авиации днем была довольно высокой, истребители 7-го и 8-го полков постоянно вылетали на прикрытие бомбардировщиков и штурмовиков, которые работали по передвигающимся к участку наступления войскам, складам и базам снабжения, железнодорожным узлам. Немцы уже неделю долбили оборону Северо-Кавказского фронта, и безуспешно. Переправившись через Дон, они покатали в сторону Ворошиловска и Буденновска, одновременно ударом вдоль реки скатывали нашу оборону в рулон. С задержкой в неделю последовала серия ударов на Харьковской дуге, которая, за неимением Курской дуги, ее заменяла. Гитлер предельно выкачал войска из Европы, нажал на сателлитов и попытался устроить коллапс обороны на южном фланге Восточного фронта. Генералы штаблеры были категорически против двух стратегических операций, но вмешалась, как всегда, политика. Кроме того, сделав довольно длительную паузу в активных действиях и милитаризовав экономику в гораздо большей степени, чем в известной Олегу истории, фюреру удалось насытить войска новой техникой гораздо раньше и в гораздо большей степени. На предложение сначала срезать харьковскую бородавку, а уже потом развернуть войска на юг Адольф Алоизович пустился в рассуждения о подавляющем превосходстве сумрачного германского гения над славянскими поделками. Испытания новых танков на трофейных «Т-34» ранних выпусков показали их значительное превосходство, а попытки обратить внимание на фронтовые испытания русскими новых образцов бронетехники отклика в душе фюрера германской нации не нашли. Та же история и с авиатехникой: новые модификации «Ме-109» и «ФВ-190» существенно превосходили «Як-1» и особенно «ЛаГГ-3». Наличие «ЛаГГ-5», «Як-1б» и «По-3»

в расчет особенно не принималось ввиду их незначительного количества. Незначительность объяснялась довольно просто: их придерживали и направляли в гвардейские полки, которые берегли для решительных действий. А некоторые свидетельства типа использования русскими в Африке новой бронетехники с существенно лучшими характеристиками объявлялись просто бреднями со страху.

Глава 2

К удару немцев готовились, но сила его все равно была велика. Северо-Кавказский и Южный фронты пока не могли остановить прорыв. Впрочем, Жуков не больно и пытался. Раскрывать карты было еще рано: немцы должны втянуться. Это было, наверное, несправедливо по отношению к тем, кого они сейчас утюжили своими танками в калмыцких степях, перемешивали с землей артиллерией в верховьях Северского Донца, это были огромные жертвы, но если их не принести, дальнейшие жертвы будут еще больше. Военное искусство вообще не терпит мягкотелости и, на первый взгляд, чуждо гуманизму, но когда твою Родину топчет враг, когда война ведется не до победного конца, а на полное уничтожение, то подлинное военное искусство заключается в умении принести меньшую жертву на алтарь Победы. Меньшую, но не малую, ибо на большой войне малых жертв не бывает. А стремление сохранить своих людей за счет других, таких же своих, но тебе не подчиняющихся, – это не гуманизм, не человеколюбие и не воинское искусство, это иначе называется. Как-то вечером в усталом мозгу Георгия Константиновича родилась мысль: а ведь упрекнут его после войны за эти жертвы, прошлые, нынешние, будущие, война не завтра кончится. Эх, раз не рассказывал никому, не печалился, как тяжело некоторые решения давались, как уснуть не мог, все думал, можно ли сделать так, чтобы людей меньше погибло, значит, все равно было? Обзовут как-нибудь, мясником, например. А уж после смерти... Интересно, много ли найдется тех, кто в защиту скажет? Впрочем, раз после смерти, то ему уже все равно будет. Потом Жуков почему-то вспомнил Северова и подумал: вот этот точно молчать не будет.

А Северов в это время летел на высоте шесть тысяч метров под огромным звездным небом. Его нынешним современникам космос казался чем-то бесконечно далеким, почти абстрактным, да и не до космоса им сейчас. А вот Олегу казалось, что он не плывет в безбрежном пятом океане, а уже вышел в космическое пространство и держит путь куда-нибудь в созвездие Гончих Псов. Голос оператора летающего радара вернул его в реальность. Направление на цель, дистанция, высота.

Сблизились на расстояние работы собственного радара, подобрались еще ближе, вот появилось пятно на тепловизионном прицеле, но он дистанцию не дает даже примерно. Опыт ночных полетов у Северова был приличный и поддерживался регулярно, а вот опыт ночных атак «на глазок» отсутствовал. В результате не рассчитал скорость и проскочил мимо, чуть не врезался. Разница в 50–70 км/ч невелика, когда ты далеко, а когда расходишься буквально в нескольких метрах... Хорошо, что в последний момент успел отдать штурвал от себя. Ларин всадил в двухмоторный самолет короткую очередь из своего пулемета, вся она пришлась на кабину. Сбить довольно большой самолет несколькими попаданиями удается редко, но Саша поразил пилота и штурмана, вражеская машина, заваливаясь на крыло, заскользила к земле. В эту ночь в небе было не очень оживленно, и больше никого встретить не удалось. Проведя в воздухе более четырех часов, Северов посадил «пешку» на своем аэродроме, когда небо уже начало светлеть.

Часов до 9 можно было поспать, что Олег с удовольствием и сделал. Если понадобится, его разбудят, а пока с управлением вполне справлялись Синицкий и Вологдин. Штаб дивизии был увеличен по штату очень значительно, это позволяло обходиться без перегрузки работников. У Вологодина было несколько помощников, как оперативных, так и по направлениям деятельности. Одним из них оказался Пампушкин! Стас Пампушкин тоже был ранен, это случилось во время налета на аэродром. Ранение оказалось не очень серьезным, но лечиться пришлось довольно долго: рана заживала плохо. После выписки из госпиталя Станислав случайно увидел Владлена Железнова, немного поговорили. После этого Пампушкин настойчиво обивал пороги наркоматов, но так же, как и Цыплаков, умудрился перевестись в 1-ю ГСАД. Он с рве-

нием включился в работу штаба и понравился Вологдину своей усидчивостью и аккуратностью. А заслужить похвалу Александра Алексеевича было нелегко: он тоже избавился от нескольких работников, которые своей ленью или глупостью и нежеланием учиться не соответствовали его весьма высоким требованиям. Надо сказать, что желающих служить в дивизии было достаточно, так что найти замену летчику, технику или штабному было просто. О ней шла добрая слава как о подразделении, где служить престижно и интересно, где заслуживших не обделяют наградами, где командование хорошо заботится о личном составе. В холодное время Булочкин и Кузнецов делали все, чтобы ремонтные работы проводились в как можно более комфортных условиях. Мастерские отапливались, у союзников были заказаны быстровозводимые ангары для проведения работ, которые также отапливались и в которых можно было разместить сравнительно небольшие истребители. Практически постоянно топились баня, по крайней мере, всегда был приличный запас теплой воды, за этим строго следили. А уж о питании просто ходили легенды, Булочкин проявлял чудеса смекалки и изворотливости. В летнее время и в начале осени он везде, где служил, организовывал выходы свободного личного состава в лес, где собирали грибы и ягоды, которые потом сушили, а грузди и рыжики солили. На аэродроме под Мценском у Петровича было небольшое стадо коров, коз и овец. Их хозяйственный командир БАО подобрал еще во время отступления, когда немцы разбомбили колонну, в которой перегоняли скотину. Людей, умеющих обращаться со скотиной, в БАО хватало: многие парни и девушки были деревенскими. К тому же Булочкин взял несколько нестроевых пожилых солдат, которым можно было доверить такие работы. Олег Петрович умудрился заготовить сена и других кормов, аналогичным способом завел птицу. При аэродроме было целое подсобное хозяйство, зато у личного состава появился ощутимый приварок. Со всем этим прекрасно управлялся старшина Тарасюк, Булочкин не раз говорил, что того можно смело ставить председателем колхоза, справится отлично. Всю живность хозяйственный Петрович умудрился перетащить на новое место, а сейчас Тарасюк и Булочкин очень жалели, что не придется завозить здесь огород, поскольку до сбора урожая они тут вряд ли останутся. А земля была для огорода очень хорошая. Олег потом не раз был свидетелем, как люди с гордостью говорили, что они из седьмого гвардейского полка или первой гвардейской дивизии, и с благодарностью вспоминали своих командиров.

К началу мая новая живность Северова подросла: Рекс превратился в небольшого песика с короткой плотной черной шерстью и небольшими рыжими подпалинами. Ему было месяцев пять, он еще немного вытянется, но очевидно, что будет сантиметров около сорока в холке, не больше. Все думали, что это обычная дворняжка, но Олег в этом сомневался по двум причинам. Во-первых, у Рекса был купирован хвост. Зачем обрезать хвост беспородной собаке? Во-вторых, этот щенок был куплен или кем-то подарен Роммелю. Фельдмаршал не тот человек, который будет держать дворнягу. Рекс рос очень активным псом, много бегал по утрам вместе с летчиками, а потом и сам. Без устали играл с Валерой, и тот через некоторое время вынужден был спасаться от неумного товарища на деревьях или других высоких местах. Когда у Рекса начали резаться зубы, Олег опасался, что тот погрызет ему сапоги или портупею, испортит еще что-нибудь: реглан или кожаную куртку. Но регулярно вручаемые щенку кости и твердое воспитание, а также присмотр кота позволяли пока обходиться без имущественных потерь. Еще у него прорезалась страсть лазать во всякие щели, ходы и трубы, а также стремление охранять хозяйские вещи. Если Северов снимал свою куртку или планшет и сажал рядом Рекса, никто другой к этой вещи уже прикоснуться не мог. При этом он оставался достаточно дружелюбным к другим людям, по крайней мере к тем, кого знал, а знал он многих. Но только если был не «на службе»! Когда не охранял вещи, то любил поиграть со свободными от полетов летчиками, побегать, принести палку. Но если кто-то проявлял излишнюю фамильярность, мог и цапнуть. А кусался он сильно, Олег сделал ему из резины от старых покрышек своеобразные эспандеры, которыми Рекс с удовольствием тренировал свои челюсти. К тому же у него проявилась спо-

собность к хватке. Он мог сомкнуть челюсти и повиснуть на чем- или ком-нибудь. Если это была какая-то чужая более-менее крупная живность, то, вцепившись в холку, мог, перебирая челюстями и не ослабляя при этом хватки, перебраться до горла. Вот тут-то Северова и осенило. В детстве один из знакомых деда увлекался охотой. Держать дома гончую или лайку человек не хотел и однажды привез то ли из Чехословакии, то ли из Венгрии, то ли из Германии ягдтерьера. Так вот собакен был очень на него похож! Насколько Олег помнил, породу вывели в Германии перед войной. Теперь все встало на свои места – Рекс никакая не дворняга, а породистый (а какой же еще может быть у фельдмаршала) ягдтерьер!

С приездом Синицкого у живности появился новый приятель, ведь Гоша взял с собой Степашку. Его знакомство с котом началось с того, что Валера настучал Степе по морде лапой, не выпуская, впрочем, когтей. Породистый дворянин был псом веселым и неконфликтным, так что права качать не стал, Рекса трепать не пытался, и вскоре все трое уже бегали вместе. В большинстве случаев разыгрывался сценарий «охота на снежного барса» с Валерой в роли добычи, но иногда собаки гоняли и настоящих зверьков.

Сейчас кот где-то пропал, а Рекс был на месте. Северов улегся на кровать, щенок тут же заскочил и пристроился у хозяина под мышкой, уткнувшись носом в шею, – это было его любимое место. Под уютное сопение летчик уснул. Когда Северов проснулся, ягдтерьера рядом уже не было. Выйдя из дома, Олег пошел на стоянку самолетов, откуда раздавались веселый смех и урчанье Рекса. Антон Соколов играл со щенком, но, видимо, переборщил: теперь тот висел у него на рукаве летного комбинезона.

– Что, додразнился?

– Очень он у тебя едкий, командир, как дуст! – засмеялся Антон и помахал рукой – Рекс висел качественно, прикрыв от удовольствия глаза. – Отцепи, а то он со мной полетит.

Пришлось отцеплять. Вернувшийся после своих походов по окрестностям Валера в это время сидел неподалеку и внимательно следил за происходящим, опекал собачьего «вьюношу».

Дивизия продолжала боевую работу. Пары и звенья истребителей вели охоту по наводке радара, целыми эскадрильями вылетали на прикрытие своих позиций и перехват формаций вражеских бомбардировщиков, вели воздушную разведку, прикрывали самолеты бомбардировочного и штурмового полков, ударные машины утюжили позиции и ближние тылы немцев. Обстановка четко отображалась на планшете, ее давали наземный и воздушный радары и посты ВНОС. Имеющиеся радиолокационные станции были еще несовершенными, их работа зависела от погоды и еще многих факторов, они плохо видели низколетающие самолеты. Немцы, имеющие хорошую радиотехническую промышленность, тоже не сидели сложа руки, пытались ставить помехи, вести радиоэлектронную борьбу. Но Олег в ней понимал намного больше, поскольку имел опыт и знания последующих шестидесяти лет, хотя и не являлся инженером-радиоэлектронщиком. При встрече с Бергом еще в 1941 году он сумел намекнуть на кое-какие идеи в этом направлении, как бы случайно поговорив с инженерами, отвечающими за радиооборудование в специальной Комиссии по перевооружению РККА. Сделал это, как всегда, ненавязчиво, в основном путем наводящих вопросов. Но стержневые радиолампы начали появляться и использоваться в устройствах военного назначения, Берг намекал на какой-то прорыв в области полупроводников. Ну да, то, что Северов учил в средней школе на физике, сейчас еще не должно было быть изобретено, пришлось чуть-чуть помочь. Однофамилец инженера Аксель Иванович Берг был прекрасным ученым-радиотехником и все новые идеи схватывал на лету. Да и общение с ленинградскими товарищами должно приносить свои плоды.

И вот результат: в дивизии добавилось звено из шести самолетов радиоэлектронной борьбы. Первоначально предполагалось разместить аппаратуру на «ТБ-7» или «ПС-84», но благодаря применению новейших ламп удалось сделать достаточно компактные устройства, которые прекрасно разместились на «Ту-2». Эти самолеты, «Ту-2РБ», и стояли на воору-

жении звена. Видимо, радиооборудование летающих радаров тоже собираются перевести на новые лампы – об этом и говорил раньше Румянцев. Впрочем, вроде бы часть элементов пока была импортной, организовать новое производство нелегко даже в мирное время, а сейчас и подавно.

В штабе Олег ознакомился с обстановкой. Ситуация складывалась интересная. Дивизия уже плотно мешала немцам и их союзникам жить. Использование радиолокаторов позволяло быстро концентрировать силы на нужном участке, информация оперативно доводилась до командования воздушной армии, на КП постоянно сидел один или несколько работников штаба армии, командиры авиадивизий. Красовский обязал и командиров авиаполков посетить 1-ю ГСАД, посмотреть на ее работу. Как только намечалось сосредоточение вражеской авиации, Красовский тут же реагировал, наращивал силы. Попытки пробомбить аэродромы неизменно проваливались, подобраться к ним скрытно немцам не удавалось ни днем, ни ночью. Попытка задействовать диверсантов также провалилась, пройти незамеченными через систему секретов Аверина у немцев не получилось.

Между тем стали дотягиваться и до Северо-Кавказского фронта. Кстати, выделять цель на фоне земли советские ученые научились намного раньше и лучше своих иностранных коллег. Поэтому летающий радар с хорошим прикрытием и на большой высоте находился над линией фронта, что позволяло отслеживать перемещения вражеской авиации вплоть до Ростова-на-Дону. Наличие истребителей с дальностью полета в тысячу километров позволяло эту авиацию основательно трепать.

Еще одним направлением ночной деятельности стало блокирование аэродромов противника. «Пе-5МР» обладал достаточной дальностью, чтобы достичь вражеских авиабаз и находиться около них достаточно длительное время. Самым простым было пристроиться к садящемуся или взлетающему самолету и сбить его. Гансы пытались ставить помехи радарам, работали своими ночными истребителями, но на всякую немецкую хитрость находился русский хитровыгнутый лом. Частоты бортовых РЛС истребителя, «Ту-4РЛ» и наземного РУС-3 были разными, поставить помехи всему сразу у немцев не получалось. А наши «Ту-2РБ» основательно осложняли работу вражеских радиотехнических устройств. Стали не просто сбивать вражеские самолеты, а засыпать их аэродромы мелкими осколочными бомбами и даже минами. В общем, пакостили как могли. В результате активность вражеской авиации в ночное время также ощутимо снизилась. Вражеские пилоты боялись подниматься в воздух даже ночью, даже в сложных метеоусловиях.

Северов теперь летал больше ночью, чем днем, хотя и одномоторный истребитель не забывал. Если ночью приходилось действовать в одиночку, то в дневное время Олег сначала больше внимания уделял управлению подразделением, чем круговерти с истребителями противника. Но, убедившись, что комэски и командиры звеньев сами вполне способны управлять своими подразделениями в бою при любом изменении обстановки, а не просто вести их за собой, Северов стал поручать комэскам управление работой полков, а командирам звеньев – работой эскадрилий, надо было дать возможность людям расти дальше. Сам в это время с Цыплаковым исполнял роль верхнего прикрытия, вмешиваясь в бой, когда кому-то грозила опасность. Но время от времени приходилось ввязываться в драку: если немцы подтягивали крупные силы, орлы Красовского не всегда успевали быстро прибыть на разборку.

Завоевание господства в воздухе не преминуло сказаться и на наземной обстановке. Через десять дней после начала наступления немцы и их сателлиты основательно увязли в обороне Северо-Кавказского и Южного фронтов, Жуков обрушил на их левый фланг мощный удар, отсекая всю группу армий «А», одновременно он начал избивание группы армий «Б», увязших на Харьковской дуге.

Ставка гитлеровцев на более совершенную технику не оправдалась. Новые противотанковые пушки калибром 57, 85 и 100 мм, танки «Т-34М» с длинноствольными 76 мм орудиями,

противотанковые САУ, широкое использование пехотой гранатометов, завоеванное «По-3», «Як-1б» и «ЛаГГ-5» господство в воздухе, самоходная артиллерия, маневр силами благодаря механизации стрелковых подразделений, применение инженерной техники и многое другое не позволили немцам захватить инициативу в начавшихся масштабных сражениях. Вместо Курской дуги в этой истории случилась Харьковская дуга, и ее результаты для немецкого командования намечались гораздо более печальными.

К исходу второй декады мая Северов, анализируя обстановку и данные последних воздушных боев, сказал Синицкому и Вологдину:

– Товарищи командиры, а нет ли у вас ощущения, что наша дивизия первую волну вражеского наступления выдержала? Оперативная пауза, которую мы сейчас имеем, очень скоро кончится, все завертится по новой и, боюсь, с гораздо большей силой, но она возникла из-за того, что мы сточили то, что они имели.

Начальник штаба и заместитель с этим выводом согласились. Потери в полках были минимальными, у 2-й воздушной армии они были гораздо более серьезными, но об утрате боеспособности речь не шла.

Между тем командир 7-го ГИАП получил-таки возделенную должность в Москве, в инспекции ВВС ВМФ. Сам артист Больших и Малых театров Эммануил Мирославович Музыка гастролировал со своими номерами по всему фронту. Сначала он находился в штабе 2-й воздушной, «совершенствовал взаимодействие». Потом ехал на КП армии, корпуса или дивизии и делал вид, что контролирует работу авиации. Его «виллис» был с радиостанцией, поэтому выходил в эфир и слал требования в стиле «обеспечить прикрытие», «немедленно уничтожить» или «трамваю принять вправо и остановиться». Апофигеем этой комедии стал приезд товарища Музыки в родную дивизию вечером 20 мая. Поздоровавшись с командованием соединения, майор ушел с Ташновым и что-то обсуждал до глубокой ночи, а около полудня 21 мая в полку появился генерал-майор Бартновский со свитой, который вручил Музыке орден Кутузова 3-й степени «за старое». Такой же награды был удостоен и 7-й полк. Весь вечер в дивизии прошел под общим вопросом «что это было?», но особенно рефлексировать по этому поводу было некогда, ночные полеты никто не отменял. Зато теперь спокойно был решен вопрос о назначении Ларионова командиром 7-го ГИАП, а Брянцева его замом.

Впрочем, новоиспеченный полководец без приключений не остался. Майор поздно вечером принялся скрестись в дверь небольшого домика, где жила Валентина Степановна. Олег шел к себе за экипировкой, ему предстоял ночной вылет, когда он заметил Музыку за этим занятием. Северов был далек от мысли, что этот орел заинтересует Гризодубову как мужчина, поэтому с удовольствием шуганул ловеласа. Приложения колена под зад, к сожалению, не состоялось, майор скрылся быстрее, зато дверь открылась, оттуда выскочила Валентина Степановна в куртке, надетой прямо на ночную рубашку, и с размаху звезданула Северова в ухо. Вернее, попыталась, поскольку Олег голову убрал и удар пришелся по двери.

– Ай! Что ж ты делаешь, паразит! Ой!

Увидев своего первого зама, она сначала опешила, потом разглядела поспешно удаляющегося Мимосраловича и засмеялась.

– Ну, спасибо, Олег. Извини, чуть не прибила, рука у меня тяжелая!

– Не больно?

Женщина поморщилась:

– Больно, конечно. Об угол стукнулась.

– Давайте посмотрю.

– Да ладно, иди, сама разберусь.

Было безоблачно, и в свете полной луны Северов заметил на ее руке кровь.

– Перевязать надо.

– Да иди уже, без тебя справлюсь.

Не успел Олег повернуться, как за спиной Валентины Степановны появился Бринько:

– Я помогу.

– Так, – насупилась комдив, – заходи давай.

В свете керосиновой лампы Петр перевязывал ей руку, а Северов с улыбкой наблюдал за этой сценой.

– Осуждаешь? – Гризодубова искоса поглядывала на Олега.

– Нисколько! – честно ответил подполковник. – Вы люди взрослые, сами разберетесь. Не мое это дело. И трепаться об этом никому не дам. Но ты, Петя, не вздумай Мимосраловичу морду бить! Если он язык вытянет, я с ним сам управлюсь. Спокойной ночи.

Когда Северов вышел, женщина задумчиво посмотрела ему вслед.

– Странный он.

– Чего странного? – удивился Бринько. – Я его с сорок первого знаю, под Ленинградом воевали. Знаешь, Валя, про некоторых говорят «летчик от Бога». А если еще лучше, то как сказать? Вот он такой и есть, а еще командир отличный. Мне под его началом ходить нисколько не обидно, хоть я и старше его.

– Да я не только об этом. Ты, Петя, извини, но не поймешь, наверно. Для этого бабой надо быть, а ты мужик, настоящий, сильный. Он ведет себя как человек, которому лет сорок, а то и больше. В себе уверен, много чего как будто наперед ведает. Думаешь, не знаю, как его все без меня зовут? Командир.

Гризодубова села на кровать, усмехнулась печально.

– Муж, Виктор, сейчас 832-м ИАП командует, от матери моей попреки слышал. Мол, жена Герой Советского Союза, а ты кто? Ты вот дважды Герой и третью Звезду скоро получишь. Самый лучший летчик Советского Союза. Никто моими успехами тыкать не будет.

Летчик сел рядом.

– Валюша, ты о чем?

Женщина ткнула лицом ему в плечо.

– Извини, несу невесть что. Мне тоже иногда хочется просто бабой побыть. С таким, как ты, это легко.

Поскольку майор Музыка появился в дивизии в качестве представителя наркомата, то уже на следующий день он принялся совать везде свой нос. Потеревшись немного на КП, важно покивал на распоряжения Северова и отправился на летное поле, где принялся наблюдать за работами по подготовке самолетов к вылетам, временами давая ценные советы. Возникшая при этом легкая суэта была погашена Булочкиным, который, пока совершенно не в курсе нового высокого статуса Эммануила Мирославовича, послал его на хер и прогнал от самолетов. Ничуть не смущенный Музыка отошел на край поля, заложил руки за спину и принялся с важным видом там прохаживаться.

Живность все-таки что-то чувствует на своем подсознательном уровне. По отношению к Музыке Олег никакой внешней агрессии не позволял, хотя иногда очень хотелось. Но Рекс и Валера невзлюбили его сразу всеми фибрами своих щенячье-котячьих душ. Впрочем, взаимно. Ягд пристраивался тяпнуть майора за ногу или за руку, но Северов не давал ему это сделать, а бегать по аэродрому в присутствии Музыки он ему не разрешал. На этот раз Эммануил обнаружил щенка, что-то увлеченно вынюхивающего у куста, скорее всего мышь, тихонько подошел к нему и уже занес ногу для хорошего пинка, но рядом очень вовремя оказался старшина Тарасюк. Михаил Степанович прекрасно понял, что собирается сделать майор, и тоже как бы случайно оказался рядом. Когда тот замахнулся, Тарасюк подставил ногу, и Музыка чуть не улетел в кусты. Но в старшине погибал не только председатель колхоза-миллионера, но и великий артист! Он бережно поймал Музыку за локоток:

– Товарищ майор, разве можно этак скакать! Расшибиться же недолго!

При этом смотрел так преданно и туповато, что Мимосралович не нашел чего сказать и, тихо матерясь, удалился. Но в душе преданного друга Рекса, гвардии кота Валерия Матроскина, видевшего все это безобразия, родился протест. Сшибать лапой фуражку с головы майора он посчитал недостаточным и просто нагадил ночью Музыке в сапог. А на следующий день повторил. Ситуацию усугубил все тот же Тарасюк, который глубокомысленно заметил, что если кот повадится куда гадить, то это надолго. Буянить Музыка побоялся, он зеленел от злости и вынашивал план ужасной мести, а Валера, видя, что майор спрятал сапоги, навалил ему в фуражку. Фуражку майор вытребовал себе новую, а Олегу пришлось провести с котом работу и убедить его, что месть вполне состоялась.

С гораздо большим удовольствием, чем появление Музыки, личный состав воспринял приезд артистов. Олег с удовольствием посмотрел бы концерт, но у него был запланирован очередной ночной вылет, и отказываться от него Северов считал неудобным. Если он не полетит, то надо посылать кого-то другого, но тогда тот экипаж будет лишен заслуженной небольшой радости. Саша Ларин со своим командиром согласился.

Артистов встречали Гризодубова и Булочкин как командир авиабазы. Гостям показали базу (в пределах разумного, конечно), накормили ужином, за это время подготовили место для проведения концерта. Решили провести его в свободном ангаре, самом большом из имеющихся. Весь день явно собирался дождь и после ужина он наконец начался, причем усиливался. Тем не менее в 20:30 в воздух ушел летающий радар, Северов на КП разобрался с обстановкой и в 23:00 поднял свою «пешку» в воздух, несмотря на посыпавшийся мелкий дождь. Артистов, большинство которых были женщинами, оставили ночевать, но спать они еще не легли. Вологдин стоял под навесом у здания штаба, рядом стояла одна из певиц, молодая симпатичная женщина лет двадцати пяти. Она находилась под впечатлением от увиденного: ради гостей хозяева надели свои награды, так что зал выглядел внушительно.

– Товарищ майор, неужели в такую погоду кто-то летает? – изумилась певица. – Ночь, дождь!

– Летают те, у кого метеоминимум позволяет. А это наш командир взлетел.

– Булочкин? Я же совсем недавно его видела!

– Олег Петрович – командир авиабазы, а взлетел первый заместитель командира дивизии.

Самолет изрядно поболтало, пока Олег не поднялся выше облаков. За последние дни радары несколько раз фиксировали пролеты немецких самолетов на большой высоте. Это были дальние разведчики, которые пытались вскрыть перемещение стратегических резервов. По данным разведки, немцы могли испытывать аппаратуру, позволяющую фиксировать объекты, имеющие температуру выше температуры окружающей среды. Если это так, то имелся шанс зафиксировать, например, ночное перемещение танковых подразделений и выявить места их сосредоточения. Характеристики аппаратуры не были известны пока даже приблизительно, так что перехват таких разведчиков был важной задачей. В идеале хотелось бы принудить его к посадке на нашей территории или хотя бы взять в плен членов экипажа. Пока пролеты случались достаточно далеко для перехвата самолетами полка. Информацию передавали в штаб 2-й воздушной армии, но результата не было. В конце весны 1943 года «МиГи» стали большой редкостью, на южных фронтах не оставалось ни одного, а имеющиеся машины не обладали необходимой высотностью, да и ночных летчиков не только в линейных, но даже в гвардейских полках почти не было. Основным шансом был перехват на Пе-5МР. Просечь систему в полетах разведчиков пока не удавалось, может, ее там и не было, поэтому экипаж решил положиться на удачу.

Северов и Ларин висели на высоте одиннадцати километров уже час. Летающий радар фиксировал немногочисленные полеты немцев с довольно удаленных аэродромов на запад, но вот пришло сообщение о приближении к линии фронта объекта на высоте десять тысяч, и высота продолжала увеличиваться. Получив данные о параметрах цели, «пешка» легла курсом

на перехват. Немцы тоже использовали радиолокаторы, поэтому могли зафиксировать перехватчика и предупредить экипаж своего разведчика. Шел дождь, что снижало эффективность работы радара, но Северов не стал надеяться только на погоду, поднял «Ту-2РБ» и приказал определить каналы, на которых общается ганс. На немецких самолетах начали ставить устройства предупреждения об облучении радаром с задней полусферы, но, по данным разведки, работали они не очень хорошо, наша аппаратура была совершеннее. Перехватчик вышел на цель, когда разведчик углубился за линию фронта более чем на четыреста километров и, по видимому, собирался поворачивать обратно. Летящий радар вывел на цель довольно точно, и когда Олег уже хотел включить бортовую аппаратуру, тепловизионный прицел зафиксировал объект почти прямо по курсу. Гансы забрались уже на высоту чуть более двенадцати тысяч, маневрировать приходилось очень осторожно, чтобы не осыпаться вниз. Северов хотел попытаться повредить вражеский самолет одной очередью и принудить его к посадке. Неизвестно, может ли немец уйти еще выше, по некоторым данным, его потолок достигал четырнадцати и даже пятнадцати километров, как для Junkers Ju 86R, так и для Henschel Hs. 130a, хотя, судя по скорости, это был последний. «Пешка» шла чуть ниже, поэтому на фоне земли была незаметна, да и обзор назад у немца был никакой. На фоне звездного неба вражеский самолет неплохо выделялся, поэтому Олег, уравнив скорости, осторожно к нему подобрался и короткой очередью из 23 мм пушек сделал дыру в крыле. Немец заскользил вниз, Северов пошел за ним, одновременно выходя в эфир на канале, которым обычно пользуются вражеские бомбардировщики. Немец сохранял радиомолчание весь полет, поэтому Олег решил связываться на частотах, которые они чаще всего использовали. Ганс пока не отвечал, но с «Ту-2РБ» передали, на какой частоте тот стал передавать, что на него напали и он пытается уйти.

– Эй, Ганс! – очередь поверх кабины. – Не ори так, я тебя только слегка повредил!

– Пошел ты!

Очередь впритирку к кабине.

– Будешь хамить, сделаю дыру в кабине! Включи аэронавигационные огни, если хочешь жить! За линию фронта я тебя не пушу, придется прыгать, а когда вас поймают, то замордуют в НКВД. Думай быстрее, мне эта возня надоела.

Немного страшилок еще никому не вредило. Еще одна очередь из всего оружия сразу – и немец включил огни. До Москвы оставалось около пятисот километров, здесь была только небольшая облачность, и Олег решил идти к столице, чтобы сразу доставить трофей куда надо, топлива у него должно было хватить. Немец попался спокойный, вменяемый, не фанатик. Сказал, что его зовут Конрад и что он обер-лейтенант, а второго члена экипажа зовут Вальтер. Просил не отдавать его НКВД, Северов обещал, что замолвит словечко, но они должны вести себя разумно. Тем временем Ларин связался с дежурным зоны ПВО Москвы, объяснил ситуацию, Северову пришлось отвлечься от общения с немцем, назвать себя и разъяснить, что будет со всеми, кто его сейчас слышит, если они начнут тупить. Наконец ему дали курс на один из подмосковных аэродромов, куда они и посадили свою добычу и сели сами. Олег, как и обещал, разъяснил приехавшим сотрудникам разведки ситуацию, а немцам еще раз посоветовал вести себя разумно. Немецкий самолет сразу откатали на угол летного поля и взяли под усиленную охрану. Дальше началась обычная мутотень: взяли подписку о неразглашении, попытались вести пространные беседы за сохранение государственной тайны и нудно страшить карами за ее разглашение, потом помогли Олегу и Саше устроиться на ночлег. Неплохо поспав несколько часов и позавтракав, экипаж на заправленном самолете вылетел обратно.

Вернувшегося Северова ждала очередная новость: Гризодубова вновь уехала в Москву. Олега это несколько не удивляло, мемуары Голованова он неплохо помнил, но помнил и то, что она возглавляла Антифашистский комитет советских женщин и входила в состав комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Помнил он и о ее роли в судьбе Королева, о почти пяти тысячах человек, восстановленных в правах при ее непосредственном

участии. А здесь она была явно не на месте и ощущала это. Северов подумал, что Валентина Степановна может решать вопрос о своем переводе – промелькнула такая мысль у нее в одном разговоре, но он, по понятным причинам, переспрашивать ничего не стал.

А еще через день немцы подтянули резервы, и битва на Харьковской дуге разгорелась с новой силой. Противник не стал долбить советскую многослойную оборону на участке Донецк – Мариуполь – Таганрог, а усилил давление на южный фланг Харьковской дуги с одновременным ударом с противоположной стороны. На что рассчитывало руководство Третьего Рейха, понять было трудно. Даже если бы все сложилось для них удачно, то ничего, кроме затягивания неизбежного исхода, это бы не принесло. Ни о какой победе в войне речи быть не могло, но на что-то рассчитывали! И обреченностью это было еще не назвать. С другой стороны, а если бы нам в конце сорок первого сказали: все, ребята, сопротивление бесполезно, почему же вы не сдаётесь, – куда бы мы их послали? Во всем этом была какая-то бессмысленность, но, видимо, тот, кто платил и заказывал музыку, еще не был доволен результатом, а может, ситуация у заказчиков тоже вышла из-под контроля.

В это время немцы в котле сидели довольно тихо. Северо-Кавказский фронт был ликвидирован, Южный – переформирован. Южным фронтом командовал маршал Буденный. Его задача заключалась в укреплении обороны на достигнутых позициях на случай, если немцы найдут силы на попытку деблокады и подготовку к наступлению на юге Украины. Наступление должно было начаться после того, как завершится грандиозная битва на Харьковской дуге, которая по своим масштабам была не меньше, чем известная Северову битва на Курской дуге. Остальные части вошли во вновь сформированный Донской фронт, который объединял все силы, что образовывали кольцо вокруг окруженной вражеской группировки. Командовал им Малиновский, пока еще генерал-полковник. В Ставке прошло обсуждение дальнейших действий, предусматривающее два варианта развития событий: активные действия по уничтожению окруженного врага либо блокирование и выжидание, пока не сдадутся сами. Дальняя авиация по наводке фронтовой разведки уничтожила значительные запасы их топлива и боеприпасов, так что долго воевать окруженным было нечем. Да и толщина кольца была уже очень приличной – около ста километров в самой «тонкой» части. Так что окруженная группировка сидела тихо, ожидая помощи извне и обещанного снабжения по воздуху.

2-я воздушная армия понесла значительные потери, но сохранила свою боеспособность, была частично пополнена и переброшена северо-западнее для действий на южном фланге дуги. Красовский расположил свой КП неподалеку от аэродромов, где находилась 1-я ГСАД. Ее решили не перебрасывать, поскольку, с одной стороны, она вполне дотягивалась до района наиболее активных действий, с другой стороны, действовала на коммуникациях снабжения окруженной группировки. Немцам было не так кисло – все-таки не зима, но мысль, что лучшее ПВО – это свои танки на аэродромах противника, Буденному понравилась. Он быстро организовал конно-механизированные группы, которые пустил в глубокие вражеские тылы, благо сил для затыкания дыр на южном фланге своего фронта у немцев пока практически не было. Эти мобильные соединения, пользуясь тем, что немцы держались только в опорных пунктах, зачастую достаточно удаленных друг от друга, просачивались глубоко во вражеский тыл и своими действиями с удовольствием поддерживали страшилки о нашествии орд Чингисхана на цивилизованную Европу. Это не могло не осложнить жизнь Люфтваффе, ведь буденновцы не только нападали на аэродромы, но и уничтожали склады с горючим и боеприпасами. Тем не менее за счет ограбления более северных участков фронта, максимального напряжения собственной промышленности и промышленности стран-сателлитов и оккупированной Европы немцам удалось сконцентрировать значительные силы, в том числе авиационные. И это не было простым увеличением количества самолетов, новые модификации «Me-109» и «ФВ-190» и прибывшие с других участков фронта эксперты Люфтваффе сильно осложнили жизнь нашим ВВС. Разведка докладывала об итальянских, румынских, венгерских и словац-

ких летчиках, летавших на немецких самолетах в составе национальных авиаполков. В воздухе была настоящая мясорубка, потери обеих сторон значительно возросли. Немецкое командование использовало РЛС гораздо менее эффективно: оно располагало несколькими радарными «Вюрцбург» на железнодорожных платформах, а также менее мощными радарными с аналогичным названием, но другой модификации, то есть попробовало развернуть «небесный полог». Проблема для них заключалась в том, что система не была предназначена для работы днем, в рамках массированного использования авиации противником. К тому же благодаря «послезнанию» Северова были известны некоторые характеристики немецких радаров. Советские же системы были более совершенными, наличие наземных РЛС и самолетов ДРЛО позволяло нашему командованию более эффективно распределять силы и средства, а наличие самолетов радиоэлектронной борьбы – значительно снижать и без того не очень высокую эффективность «небесного полога». В прежней истории действия немецких ночных истребителей были направлены в первую очередь против бомбардировщиков авиации дальнего действия, а также против легких ночных бомбардировщиков «У-2» и «Р-5», хотя здесь имелись сложности из-за их малой высоты и скорости полета. Тогда немцы не реализовали планы развертывания двух эскадр ночных истребителей – NJG100 и NJG200, однако, по данным разведки, на этот раз Третий Рейх это сделал.

Поскольку информация стекалась в первую очередь на КП 1-й ГСАД, штабы воздушных армий расположились неподалеку, в дополнение ко 2-й ВА на данном участке фронта действовали 16-я и 17-я армии. Генерал-полковник Сергей Игнатьевич Руденко и генерал-лейтенант Владимир Александрович Судец получили четкие указания от командующего ВВС РККА и сразу же прибыли в дивизию для изучения ее работы. Оба генерала были прекрасными организаторами и имели значительный опыт руководства большими авиаподразделениями, поэтому быстро схватили суть и развернули объединенный командный центр. Булочкин поставил новый быстровозводимый ангар, где и разместился центр. Вся информация о воздушной обстановке на более чем пятисоткилометровом участке фронта стекалась сюда, а севернее, между Белгородом и Новым Осколом, был установлен еще один РУС-3. Использование «Ту-4РЛ» в дополнение к этим радиолокаторам, а также развернутая сеть постов ВНОС и наличие авианаводчиков на линии боевого соприкосновения позволяли достаточно хорошо контролировать воздушную обстановку и координировать авиаудары по войскам противника. В действия дивизии никто из командующих не вмешивался, если им требовалась поддержка, такие вопросы решали быстро и без какого-либо взаимного недовольствия. Наличие высшего полководческого ордена на груди заместителя комдива, прямое подчинение управлению ВВС ВМФ и внимание Верховного к действиям 1-й ГСАД заставляли командующих армиями быть осторожными, даже если они были чем-то недовольны. Впрочем, ни Северов, ни командармы к выяснению отношений не стремились, были людьми разумными и ответственными, поэтому всегда находили компромиссные решения, напряженности во взаимоотношениях, несмотря на значительную разницу в званиях, не возникало. А многие вещи им просто очень нравились, и они направляли своих подчиненных для изучения опыта. Что касается летного состава, то уже было решено провести конференцию по обмену опытом после того, как закончатся активные действия на этом участке фронта.

26 мая в полк неожиданно заехал Буденный. Семен Михайлович был вызван в Москву и решил по пути заехать в штаб дивизии, который стал командным центром сразу трех воздушных армий. Семен Михайлович был уверен, что Сталин спросит его и об этом тоже. Экипаж его «ПС-84» сразу стал любезничать с девушками из аэродромного персонала, а маршал в сопровождении Северова прошел в ангар и стал наблюдать за работой командного центра. Проведя внутри около часа, вышел на улицу и присел на лавочку под деревьями. Свита почти полностью стояла в сторонке, Семен Михайлович что-то обдумывал, иногда качал головой каким-

то своим мыслям. Когда Олег вышел из центра, Буденный знаком подозвал его к себе и усадил рядом, но разговор начинать не спешил. Потом вдруг сказал:

– Посмотрел я, как твои работают. М-да-а... Умственная штука! – Потом снова помолчал и продолжил: – Вот мне уже шестьдесят, а я себя стариком не чувствую. Сила есть, да и бабами еще интересуюсь! – маршал усмехнулся. – Но вот сейчас вдруг старым себя почувствовал! Да нет, не то чтобы старым – устаревшим. Раньше проще воевали... М-да-а... Иосиф Виссарионович не зря себя молодыми генералами окружил. Тем, кто эту войну заканчивать будет, сейчас лет сорок – сорок пять. И я теперь понимаю почему.

Маршал вздохнул. Дед Северова с Буденным на войне и после сталкивался и в своих рассказах всегда отзывался о нем с уважением. Когда Олег учился в военном училище и еще раньше, когда занимался с дедом, сражения Великой Отечественной войны разбирались весьма подробно. Основная мысль разборов действий Буденного сводилась к простым вещам. Во-первых, никто лучше него не справился бы. Во-вторых, он не принял ни одного ошибочного решения, из всех предложенных ему вариантов он всегда выбирал если не лучший, то по крайней мере приемлемый. В-третьих, отстранение его от командования было ошибочным и несправедливым. И то, что в этой истории Буденный оставался на своем месте, Северова только радовало. Поэтому Олег постарался осторожно дать понять старому маршалу, что причин для расстройств нет.

– Товарищ маршал, Семен Михайлович! Да вам и не надо в этом всем разбираться, для этого мы есть. Вот скажите честно, сейчас, когда все прошлые действия можно со всех сторон рассмотреть, вы многое сделали бы иначе? Уверен, что нет. Значит, не было никаких ошибок, значит, и решения вы принимали правильные и своевременные. Ваши конно-механизированные группы именно здесь наиболее эффективны. Если армия будет располагать достаточным уровнем механизации, что изменится для высококомобильных соединений? Принципиально – ничего!

Маршал, любивший лошадей, снова вздохнул, но потом, еще помолчав, подкрутил усы.

– А ведь прав ты, Олег! Но и правде в глаза надо посмотреть. Эта война последняя, которую я в строю прохожу. Надеюсь, что после такой войнищи мир надолго установится, а я на покой пойду. Буду лошадей разводить... М-да-а...

Похвалив принесенный обед, маршал улетел в Москву, а Северов окунулся обратно в ворох проблем, разбираться с которыми было, конечно, довольно утомительно, но интересно. Олег в прошлой жизни окончил Академию, но именно сейчас можно было в полной мере применять полученные тогда знания. Да и летную работу забрасывать было нельзя.

Сам Северов теперь летал не каждую ночь, приходилось довольно напряженно работать и днем, зато почти каждый вылет оказывался удачным, причем наибольшее внимание Олег и Саша уделяли не транспортным самолетам и бомбардировщикам, а ночным истребителям противника. Имея более совершенное оборудование и все увеличивающийся опыт, они стали просто терроризировать немногочисленные пока ночные подразделения врага. Полк «пешек» также про них не забывал, за что его летчикам была отдельная благодарность от орлов генерал-полковника Голованова, которые страдали от действий ночных истребителей Люфтваффе больше всех. Хотя надо признать, что потери от их действий были вовсе не катастрофическими: в прошлой истории за всю войну на всем Восточном фронте ночными истребителями противника было сбито немногим более пятисот самолетов. Здесь они действовали гораздо более активно, их было больше, но и противостояли им на этом участке фронта настоящие специалисты своего дела, к тому же имеющие на вооружении более совершенную технику. Все ночные летчики имели уже по несколько побед, хотя далеко не все они были над истребителями, ведь создание сложностей для снабжения окруженной группировки никто не отменял.

Посчастливилось Олегу встретиться в небе и с экспертами Люфтваффе, впрочем, ему всегда на них везло. По имеющимся данным, одним из тех, кого Северов сбил в Северной

Африке, был Антон Хафнер, имевший к тому времени более восьмидесяти побед, но узнал он об этом, уже когда вернулся в СССР.

28 мая Северов вылетел вместе с двумя звеньями второй эскадрильи на перехват трех девяток «Ю-87», собиравшихся, судя по всему, отработать по нашим позициям в районе Балаклеи. Собственно, десять истребителей 7-го ГИАП шли для подстраховки действий двух эскадрилий «Яков» 866-го ИАП. Немцы стали увлекаться подходом на малой высоте, чтобы скрыться от радаров противника, вовремя среагировать на такие действия удавалось не всегда. К тому же иногда качество вражеского истребительного прикрытия оказывалось очень высоким, и помощь была нелишней. Так оказалось и в этот раз, оба звена «По-3» вскоре посыпались вниз, «Якам» явно требовалась помощь. Оставшиеся на высоте Северов и Цыплаков заметили две пары «Мессеров», которые подкрались на малой высоте и сейчас быстро поднимались, явно собираясь атаковать два «Яка», вырвавшиеся из круговерти воздушного боя и устремившиеся наконец к своей главной цели – бомбардировщикам. Команды Северова по радио никакого эффекта не дали, его явно не слышали. Немцы успели быстрее: прежде чем пара Северов – Цыплаков приблизилась на расстояние открытия огня, оба самолета, загоревшись, устремились к земле. Сразу же удалось сбить один из вражеских истребителей, но оставшиеся три «Мессера» проявили недюжинную прыть, и когда Женька немного запоздал с маневром, ведущий первой пары подловил его и всадил очередь рядом с кабиной. «По-3» закувыркался к земле, но в последний момент выровнялся и направился к линии фронта. Попытки вызвать Женю не удалось, по-видимому, рация была разбита. Сейчас главной задачей стало не дать гансам его добить, и это Северову удалось. Все три «Мессера» принялись за Олега, чего он, собственно, и добивался, успел лишь передать приказ кому-нибудь выйти из боя и прикрыть Цыплакова, а также дежурному экипажу АСС быть готовым подхватить Женю, если тот не дотянет до аэродрома, он, вероятно, ранен.

Свалка завершилась серьезная, немцы были настоящими мастерами, их было трое против одного, но Северова такой расклад не пугал. Он был из-за Женьки в холодном бешенстве, состоянии, когда противник, если ему не удалось тебя убить, очень сильно жалеет, что вообще с этим связался. Как это обычно у него бывало в таких случаях, произошло замедление времени, когда мозг и тело начинают работать с гораздо большей скоростью. Сумасшедшие перегрузки, с которыми маневрировал Олег, немцев сильно впечатлили, они были не против выйти из боя, но такого шанса подполковник им пока не давал. Они могли просто разойтись в разные стороны, но Северов вцепился в того, кого считал здесь самым умелым и опасным, а остальные, видимо, просто не могли его бросить. Короткие экономные очереди советского истребителя все-таки достигали своей цели, повреждения у худых накапливались. В «По-3» тоже было несколько попаданий, прогрохотало по обшивке изрядно, но каких-то последствий Олег пока не заметил. Бой тем временем переместился совсем близко к линии фронта, но «лаптежники» до нее не дошли. Несколько советских истребителей, вырвавшись из общей свалки, все-таки добрались до них и сбили по паре машин в каждой девятке, остальные освободились от бомб (частично на головы своих войск) и повернули обратно. А Северов, пользуясь преимуществом в скороподъемности своего самолета, оторвался от двух «Мессеров», прикрывающих эксперта, сманеврировал с большой перегрузкой и, когда немец еще до конца не пришел в себя и был уверен, что после такого виража русский тоже плохо соображает, всадил в него трехпушечную очередь. Два оставшихся худых тут же порскнули в стороны и ушли в глубь своей территории, а сбитый ганс воспользовался парашютом. Он был жив, Северов отстрелил его самолету хвост. Хотя он покинул машину за линией фронта, ветер уверенно нес его в расположение советских войск.

Когда Олег вернулся на свой аэродром, то не сразу выбрался из самолета, напряжение во время боя было огромным, немцы были очень сильными летчиками, особенно тот, сбитый. Но прежде чем Михалыч помог выбраться из кабины, Северов спросил про Цыплакова. Старшина

сообщил, что тот посадил свой истребитель на нашей территории, туда уже вылетел экипаж АСС на «Хадсоне» с врачом и фельдшером. На базе была очень приличная медслужба, Карену Барсегяну в помощь прислали еще двух врачей, трех опытных фельдшеров, пять медсестер и столько же санитарок. Теперь это был целый небольшой госпиталь. Олег с помощью Новоселова вылез из самолета, немного посидел у колеса и отправился на КП.

Женька оказался жив, но тяжело ранен. Ему оказали первую помощь, привезли на базу, где Карен его прооперировал. Доктор сказал, что лечиться оставит летчика здесь, теперь созданы все условия, так что нечего раненых куда-то возить.

Вскоре Олег также узнал, что сбитого летчика наши пехотинцы взяли. Им оказался эксперт Люфтваффе майор Герман Граф, кавалер Рыцарского креста Железного Креста с Дубовыми Листьями, Мечами и Бриллиантами и Немецкого креста в золоте (в просторечии «яичница Гитлера» или «партийный значок для близоруких»), имевший более двухсот побед.

Немца привезли на следующий день, он очень просил показать ему летчика, который его сбил. При этом держался Граф со спокойным достоинством, так что командование фронтом не видело в его просьбе большой проблемы, было решено отправить его в Москву на «С-47» транспортного звена. Граф был удивлен, когда увидел молодого человека в возрасте немногим более двадцати лет. Северов разговаривать с ним не стал, но не потому, что презирал, он как раз помнил, что в его истории Герман Граф стал активным участником антифашистского движения среди военнопленных, а из-за большой занятости. Но успел шепнуть Мише Ногтеву, на которого возложили сопровождение немца в Москву, чтобы тот присмотрелся к нему на предмет дальнейшего сотрудничества, поскольку Граф имел большой вес как эксперт Люфтваффе и при правильном подходе его позиция может стать серьезным козырем после войны. А Миша, в свою очередь, утешил расстроенного майора, сказав, что гвардии подполковник Северов – один из самых результативных летчиков не только советских ВВС, но и всех стран антигитлеровской коалиции, а его награды по значимости не уступают наградам самого Графа. Немца это, видимо, несколько успокоило. Рекс вышел посмотреть на возникшую небольшую суету и с интересом рассматривал пленного. Миша знал, что ягдтерьер отличается довольно злобным характером, и не хотел, чтобы пленный предстал перед руководством в пожеванном виде, поэтому погрозил ему пальцем и стал отправлять к хозяину.

– Скажите, господин майор, откуда у вас эта собака? Это же ягдтерьер! – Графу не стали объяснять, что старший лейтенант ГБ приравнивается к армейскому майору, да и систему званий военно-политического состава тоже, так что обращался он к Мише как к человеку с двумя шпалами в петлицах.

– Это собака командира, который вас сбил. Да, это ягдтерьер. Подполковник захватил его, когда лично взял в плен фельдмаршала Роммеля.

Немецкий летчик был сильно удивлен.

– Но ведь фельдмаршал был взят в плен в Африке, его захватило какое-то английское спецподразделение!

– У вас в корне неверная информация, господин майор! В Африке работала наша особая миссия наркомата обороны, подполковник Северов был заместителем командира авиационной дивизии. Он сбил самолет Роммеля и захватил фельдмаршала в плен.

Граф некоторое время размышлял, а потом вдруг спросил:

– Скажите, господин майор, я смогу встретиться с фельдмаршалом? Для меня это очень важно.

– Я не могу вам этого обещать, но вы можете спросить об этом мое руководство.

Пленного покормили обедом, и «С-47» увез его в Москву. А после обеда в дивизию из наркомата ВМФ пришла информация, что принято решение наградить Северова и Ларина орденами Красной Звезды за приведенный в Москву вражеский высотный разведчик. Никакой

тепловизионной аппаратуры на «Хеншеле» не было, но его высотные моторы и прекрасная фотоаппаратура представляли большой интерес.

30 мая маршал Жуков посчитал, что противник достаточно глубоко увяз в наших оборонительных позициях, и нанес целую серию мощных ударов. Началось стратегическое наступление Красной Армии – Полтавская и Донбасская наступательные операции на южном фланге Харьковской дуги и Курская наступательная операция на ее северном фланге. Началась также Брянская стратегическая наступательная операция. Последние две операции, Курская и Брянская, проводились с участием Брянского фронта. Курскую операцию фронт проводил собственными силами, Ставка решила, что Петровский справится без привлечения дополнительных резервов, поскольку командованием фронта было сформировано два ударно-штурмовых корпуса, механизация войск была самой высокой в Красной Армии. Процент новой техники в войсках также был наибольший, да и выучка личного состава была очень хорошей. Это отмечали все порученцы, которые приезжали с инспекциями. Выпускники Брянского университета сдавали свой первый серьезный экзамен. Брянская операция проводилась силами Центрального и Брянского фронтов, причем главную роль играл Центральный фронт.

Противник пытался, сконцентрировав силы, наносить мощные бомбоштурмовые удары по наступающим войскам, но ВВС РККА надежно контролировали воздушную обстановку. Уже с 3 июня активность вражеской авиации начала снижаться, господство в воздухе было достигнуто.

Дивизия работала с полной отдачей, ночные истребители нанесли тяжелый ущерб ночникам Люфтваффе и эффективно препятствовали снабжению окруженной группировки. Но интенсивная боевая работа сопровождалась не только значительным количеством сбитых вражеских самолетов, но и потерей собственных. Полк «пешек» потерял пять машин. Две из них были потеряны из-за столкновений с вражескими самолетами, это произошло, когда еще не был накоплен опыт использования техники. Из экипажей выжил один человек, штурман второго самолета смог воспользоваться парашютом. Один самолет стал жертвой зенитного огня. Еще одну «пешку» потеряли от огня вражеского стрелка, который в последний момент что-то заметил и выпустил очередь из своей турели прямо в кабину истребителя. Последний самолет был потерян в воздушном бою с одномоторным истребителем, попав в прожекторное поле. Всего из десяти человек экипажей этих машин в живых осталось четверо.

Эскадрильи «По-3» также понесли потери: в воздушных боях было сбито одиннадцать машин, три пилота погибли, два тяжело и три легко ранены. Северов отдал категорический приказ покинуть поврежденные машины и не пытаться их спасти. Самолет будет сделан новый, главное – сохранить жизнь пилоту. Авиационная спасательная служба вывезла из вражеского тыла четырех своих летчиков и более тридцати пилотов других частей.

Но и урон, нанесенный дивизией, оказался значительным. «Пешками» сбито тридцать два ночных истребителя противника и пятьдесят пять транспортных самолетов. Летчиками «По-3» уничтожено сто сорок семь вражеских машин. Общий счет Северова достиг восьмидесяти восьми, из них тринадцать было сбито на «Пе-5МР» в ночных полетах. А Петр Бринько имел уже девяносто девять сбитых!

Глава 3

Самолеты звеньев связи полков довольно интенсивно использовались для передачи различных сообщений наступающим частям, так как радиосвязь иногда утрачивалась. 10 июня к Олегу сразу после завтрака подошел мрачный Вологдин:

– Слушай, командир, тут вот какое дело. Горностаеву арестовали.

– Где и за что?

– Она везла в 148-й танковый полк срочный приказ на изменение направления удара, просто оказалась под рукой у начальства. Разведка вскрыла впереди замаскированные противотанковые позиции, а связь, как всегда, не сработала. Вернулась, доложила, что приказ передан, а полк напоролся на засаду и понес значительные потери. Командир полка сказал, что приказ не получал. Ее, естественно, арестовали, это было еще вчера. Нам сообщили только сейчас. Там еще какая-то непонятная история, самолет тоже потерян.

– Вот что, надо мне туда лететь. Что-то здесь не так! Не могла Настя соврать, если бы не передала приказ, прямо бы и сказала.

– Командир, во-первых, туда Музыка вылетел. Во-вторых... Ты только... Сядь вот сюда... Там целая комиссия работает, а тут им такой подарок. Как они на это реагируют, сам знаешь...

Северов несколько секунд переваривал информацию, потом медленно сказал:

– Что еще за комиссия? Хотя какая разница. Я все-таки полечу, я должен.

– Ты уверен, что глупостей не наделаешь?

– Нет. Если что, дивизия на Синицком. Не останавливай меня, не надо.

Северов приказал подготовить «Хадсон», зашел к себе, прикрепил на гимнастерку дубликаты Звезд. В «Хадсоне» уже сидел Гладышев и четверо его орлов. Олег приказал им вылезать, но те уперлись, пришлось повысить голос.

– А как же вы, командир?!

– А мне иначе нельзя.

До места долетели быстро. Хибару, где сидели особисты, Олегу показали сразу. Издалека Северов видел, как оттуда выскочил Музыка и, оглядываясь, быстро зашагал обратно к «У-2», на котором прилетел. Заметив Северова, махнул рукой и пошел дальше.

Часовому у крыльца летчик велел вызвать дежурного. Тот появился почти сразу, Олег объяснил ему цель прихода. Лейтенант удивился:

– Только что по тому же вопросу товарищ майор приходил.

– Судя по скорости, с какой он удалился, вопрос не решен.

– Воля ваша, пойдете, я вас провожу. Только начальство ругаться будет, не любит оно, когда отвлекают.

– Этого никто не любит, но я отвечаю за своего летчика.

Дежурный кивнул, потом сказал:

– А я вас к Гусеву отведу!

Что за Гусев и почему именно к нему, Северов спросить не успел, лейтенант распахнул дверь, шагнул в нее и доложил:

– Товарищ капитан госбезопасности, тут товарищ подполковник по поводу своей летчицы.

Олег зашел и представился, мужчина лет сорока, сидящий за столом, скользнул взглядом по Звездам, встал, пожал руку, отпустил дежурного и сделал приглашающий жест в сторону стула.

– Спасибо. Я, собственно, по поводу сержанта Горностаевой, моей подчиненной.

Гусев устало вздохнул:

– Ведется следствие. Суть знаете?

Северов кивнул:

– В общих чертах, но что-то здесь не так. Я ее знаю уже год, она никогда не обманывала. Если бы не передала приказ, так бы и сказала.

Особист хмыкнул:

– Что, испугаться не могла?

– Чего тут пугаться-то? Подумайте сами, небо наше, а она не в тыл врага летит. Таких заданий, когда реальная опасность была, она много выполнила. Если бы не нашла полк, так бы и доложила. Какой смысл врать, вскроется ведь сразу!

– А страх, он смысл не ищет. Случаи перехода к врагу, добровольной сдачи в плен имеются? Имеются! А какой в них смысл? Никакого!

– Да разобраться же надо!

– Так мы и разбираемся!

В это время зазвонил телефон, Гусев поднял трубку, выслушал невидимого собеседника, ничего не спросил, сказал только «понятно!» и положил трубку. После этого перебрал на столе несколько газет, взял одну из них.

– Пойдем со мной, есть одна мысль. А вы, как командир, воздействуйте на нее, чтобы правду говорила. Не положено, конечно, но если мои подозрения верны...

Что за подозрения, особист не поделился, вышел из кабинета и быстро зашагал по коридору, летчик пошел за ним. Комната, в которую они зашли, была точной копией предыдущей. Настя стояла перед столом, за которым сидел полковой комиссар и буравил ее глазами, у стены вытянулся дюжий сержант с равнодушным лицом и связкой ключей в руках, еще один сидел за столом и писал. На девушке была гимнастерка с оторванными на воротах пуговицами, сапоги и кальсоны, щедро разрезанные сзади до колена, типа чтобы не убежала, она держала их руками, по щекам летчицы текли слезы. Прежде чем Северов успел что-либо сказать, Гусев возмутился:

– Это что? Совсем охренел?

Полковой не ответил, углядел стоящего чуть сзади летчика и заорал:

– Да что это такое? Кто пустил? Проходной двор какой-то! Сержант, вызови дежурного, я ему...

– Не ори! – капитан поморщился. – Вы тут в разведчиков играете, что ли?

Комиссар досадливо махнул рукой, увидел Звезды Северова и уже спокойнее произнес:

– Да не мы это! Чего ты несешь, что о нас человек подумает! С чем пришел-то?

Гусев раскрыл газету и показал ее Насте:

– Посмотри, нет на этой фотографии командира, которому ты приказ передала?

Летчица шмыгнула носом:

– Вот он!

– Васюков, гнида! – удовлетворенно сказал капитан. – Так я и думал!

– Объясни уже, – устало вздохнул полковой комиссар. – Васюков-то здесь при чем?

– К нам позавчера Мехлис приехал, по своему обыкновению на передний край полез да свиту с собой потащил. Из местных его несколько человек сопровождали, среди них полковник Васюков. А он храбростью особой никогда не отличался, я пересекался с ним несколько раз, знаю. Как Мехлис на трусов реагирует, всем известно. Вот и тут разозлился и велел командующему армией его с поручениями на передовую посылать, от боязни противника лечиться. Как раз в это время Васюков в танковом полку и оказался. Стрельба началась, а он, вместо того чтобы приказ передать, в тыл отъехал. Мне особист полка отзвонился, все рассказал, сошлась мозаика. Объясни теперь, почему она у тебя в таком виде?

– А пусть сама расскажет!

Настя опять шмыгнула носом:

– Меня, как прилетела обратно, снова с приказом послали. Почти долетела, вдруг «Мессеры», пара охотников. Ведущий дал очередь, тут наши, немцы ушли. А у меня движок встал – попали, видимо. Села, на местности определилась и пошла к дороге. На пути речушка, пришлось снизу все снять и вброд переходить, а на другом берегу разведгруппа немецкая. Решили меня с собой взять, а чтобы не сбежала, кальсоны разрезали, сапоги велели надеть и в них заправить. Один из немцев сказал, мол, русские так с их пленными делают, чтобы убежать не могли. Потом к линии фронта потащили.

– А тут ребята Каравы их догнали наконец. Пленницу освободили, в штаб доставили, там и выяснилось, что ее по этому делу уже ищут.

Через полчаса все формальности были улажены, Олег попрощался с особистами, взял Настю за руку и повел за собой. Встречные командиры с удивлением смотрели на зареванную девушку в драных кальсонах, которую вел за руку подполковник с двумя Звездами Героя. Весь путь до аэродрома Олег не сказал летчице ни слова, после посадки помог ей выбраться и подзвал Василису.

– Бери чумазика и веди в баню. От полетов отстраняю на два дня. Выполняйте.

Подошел Вологдин.

– Значит, все прошло, как надо.

– Разобрались, – буркнул Северов. – Пойдем в штаб, война не ждет. Кстати, а где Музыка?

– В компании Ташнова водку пьет.

– Ну и ладно, по крайней мере, мешать не будет.

Воздушные армии получили подкрепление людьми и машинами, авиаполки стали перелетать на новые аэродромы, так как фронт значительно двинулся вперед. Дивизия осталась на прежнем аэродроме, пополнялась матчасть, ремонтировалась техника. Ее основной задачей стало блокирование воздушных перевозок окруженной группировки, судя по всему, той недолго осталось. Это можно было расценивать как отдых.

На следующий день исчез Музыка, сказал, что возвращается в Москву. Наркомат ВМФ запросил подробный отчет о деятельности дивизии за весь период ее работы на Юго-Западном фронте. Материалы для отчета были, но чтобы превратить их в толковый документ, потребовалось целых три дня напряженной работы.

А 15 июня Олег получил приказ на следующий день утром прибыть в столицу. Подготовился докладывать о результатах боевых действий, полетел на «Хадсоне» – так быстрее. Прямо у борта к Северову подошли двое крупных мужчин в штатском:

– Подполковник Северов? Следуйте за нами.

«Что бы это значило? Никогда раньше так не встречали. Шеф, не падайте в обморок, мы все под колпаком у Мюллера! На арест не похоже, оружие сдать не просили. Или все-таки арест? Интересно, а что предъявят? Шпион уругвайской разведки? Да ну, чушь. Сейчас приедем, и все выяснится».

Так же молча штатские с каменными лицами проводили Олега в кабинет, где летчик обнаружил Маленкова Георгия Максимилиановича собственной персоной и незнакомого дивизионного комиссара.

– Здравствуйте, товарищ Северов. Проходите, присаживайтесь.

– Здравствуйте, товарищ Маленков.

Летчик сел на стул, а член ГКО некоторое время разглядывал летчика, потом произнес:

– Товарищ Сталин поручил мне разобраться в одном деле. Отвечайте без утайки и помните, решается и ваша судьба тоже!

Вступление было странным, но Олег не стал ломать голову, сейчас все станет понятно.

– Полковник Гризодубова снята с должности командира 1-й гвардейской смешанной авиадивизии. В отношении ее ведется проверка. Она подала жалобу на генерал-полковника Голованова, но эта жалоба оказалась заведомо ложной.

Историю эту Северов знал, но она вроде бы должна была произойти позже, в 1944 году. С другой стороны, сейчас многое идет не так.

– Кроме того, – продолжал Маленков, – она обвиняется в совершении аморальных проступков, порочащих командира и коммуниста, и самоустранении от управления дивизией.

– О жалобе мне ничего не известно, как и о ходе ее службы в авиации дальнего действия.

– Ну, разумеется. Вы знаете, что товарищ Гризодубова замужем, ее муж командует 832-м истребительным полком? Но у нас есть свидетельства, что в должности командира дивизии она имела многочисленные связи с мужчинами, вела распутный образ жизни, дискредитирующий высокое звание Героя Советского Союза и командира Военно-морского флота. Нам известно также, что вы входили в число ее любовников, отрицать очевидные факты бессмысленно. Но нас интересует сейчас подтверждение ее проступков. Ваша искренность и молодость, неопытность, так сказать, послужат смягчающими обстоятельствами. Вы понимаете?

«Что за бред? – подумал Северов. – Откуда они... А не Музыка ли тут постарался?!»

– Скажите, товарищ Маленков, жалоба Гризодубовой сначала ведь показалась вам правдивой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.